

Эльмира Алейникова

Свидания во сне

Роман

Эльмира Алейникова

Свидания во сне. Роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083361
ISBN 9785449051639*

Аннотация

Роман «Свидания во сне» о непростой судьбе женщины, долго искавшей своё счастье. Главная героиня Лана родилась в небольшом городе у Аральского моря в Узбекистане и мечтала жить как все: выйти замуж, быть любимой, родить детей, вырастить их и состариться вместе с мужем... Будучи ребёнком от смешанного брака, она не сомневалась, что её брак будет таким же устойчивым и счастливым, как союз родителей. Однако судьба приготовила ей другой сценарий.

Содержание

Странный сон	5
Осенние переживания	16
Прогулки по Ташкенту	44
Неожиданная болезнь	52
Декабрь	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Свидания во сне

Роман

Эльмира Алейникова

...воплъ женщин всех времён:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

Марина Цветаева

© Эльмира Алейникова, 2018

ISBN 978-5-4490-5163-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странный сон

Бердах нежно провёл кончиками пальцев по моей щеке и поцеловал, едва коснувшись губ, затем откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, произнёс: «Вот и свиделись, Лана. Прощай». Окутавшее желание и ожидание большего не хотели отпускать тело и я, подавшись вперёд, попыталась обнять его, но он растаял как мираж. Руки хватали пустоту.

Закричала и проснулась. Не понимая, что со мной происходит, минут десять лежала с закрытыми глазами, пытаюсь восстановить последние кадры сна, но видела только как Бердах исчезал, превращаясь в прозрачную дымку. Его слова звучали в ушах. Почему он с такой грустью произнёс: «Вот и свиделись»? И почему сон был как реальность? Комок слёз подкатил к горлу и застрял, не решаясь вылиться наружу. «Нужно взять себя в руки. Это был всего лишь сон. Глупый сон замужней бабы, соскучившейся по романтическим свиданиям, сон идиотки, лелеющей воспоминания о прошлом», – успокаивала себя, не давая слезам выхода. Потянувшись к полке над кроватью, достала пульт управления и включила музыку. Выполняя простые упражнения в постели, старалась не думать о странном сне, уйдя в вытягивание носочков, пресс и равновесие. Но воспоминания уже текли непослушным ручейком, унося в прошлое.

В то пыльное и жаркое лето я хотела только одного –

чтобы меня оставили в покое. А они – коллеги, начальство, родители, – не замечая моего заморенного вида, заседали со своими приказами, просьбами и советами. Слившись в один липкий рой, они жужжали вокруг, вызывая аллергический зуд и злость. Нужен был хороший ледяной душ в виде трудового отпуска, который я не брала уже четыре года.

Шеф, вертя заявление в сморщенных, старческих руках, тяжело вздыхал и что-то недовольно бубнил себе под нос. Затем поднял на меня выцветшие глаза и спросил:

– А зачем тебе отпуск? Ты же молодая ещё, чтобы отдыхать. Кто останется в отделе за меня на следующие два месяца?

Я опешила.

– Как это за вас? Вы же на работе сейчас. У вас отпуск только в сентябре, – спросила, уже догадываясь, что он хочет смыться куда-нибудь подальше от этой дикой жары.

– У меня заслуженный отпуск на два месяца как ветерану. И вообще, почему я должен оправдываться перед тобой? Что за наглость? – вскипел шеф.

Я молча взяла своё заявление и порвала на кусочки, швырнув пустые надежды об отдыхе в корзину для бумаг. Расстроенная, ушла в свой закуток, где и дала волю слезам. Девчонки из отдела примолкли, шепотом обсуждая хитрого шефа, уходящего в отпуск по два раза в год и обязательно на два месяца – летом и зимой, – чтобы не ходить на рабо-

ту в самые отвратительные времена, переживая их дома или в санаториях. Зато вместо себя он оставлял меня, предлагая использовать законный отпуск в октябре, когда на дворе дожди, или в апреле, когда и дома-то усидеть невозможно. Все знали, что я не хочу отдыхать в эти месяцы, но приказ начальства не обсуждался, и мне приходилось терпеть несправедливость, глотая слёзы и мечтая когда-нибудь отдохнуть от калькулятора и бухгалтерских папок.

В знак протеста ушла с работы раньше шести вечера. Двигалась короткими перебежками от тени одного дерева к другому, желая только одного – побыстрее оказаться дома, где меня ждали прохладная комната и катык¹ в холодильнике. Вспоминая разговор с начальником, снова ощутила себя круглой дурой. Опять меня обвели вокруг пальца, да ещё и обвинили в наглости. Придётся таскаться по солнцу на работу, сидеть в душном кабинете с утра до вечера, задыхаясь без свежего воздуха и считать, считать, считать, прибавляя и уменьшая, вычитая налоги и приплюсовывая премии. А можно взять и уволиться. Просто написать заявление об уходе и перестать ходить на работу. Эта мысль показалась настолько дикой, что я даже испугалась. Придёт же такое в голову от изнуряющего зноя и раскалённого солнца. Да у меня кроме работы ничего и нет, даже хобби никакого не сохранилось с детства. Господи, как я докатилась до такой жизни? А ведь мне скоро тридцатник. Ни мужа, ни де-

¹ Катык – кислая простокваша в Средней Азии.

тей, только эта проклятая работа. Мысли прервал звук тормозящей машины. Оглянувшись, увидела нашего нового инженера Бердаха за рулем его «жигули». Выйдя из машины, он подошёл и поздоровался за руку и предложил подвезти до дома.

– А тебе по пути? Я же в микрорайоне живу, – уточнила на всякий случай, чтобы не ставить его в неудобное положение. Может быть, он и предложил-то ради приличия.

– К брату еду на ужин, он же тоже в вашем районе живёт. Садись, – Бердах распахнул дверцу, приглашая в салон.

– Ну, если по пути, – я ещё сомневалась, садиться или нет в машину, переминаясь с ноги на ногу.

– Садись быстрее, такая жара, – торопил Бердах, легонько подталкивая к машине.

Стараясь не показывать радости от того, что не придётся идти по солнцу пешком, устроилась на мягком сиденье, обтянутом нежным серым велюром. Было прохладно и уютно. Всю дорогу мы болтали о работе, моём вредном шефе и последней командировке Бердаха в Ташкент. Шутя, он неожиданно предложил:

– Хочешь, в следующий раз поедем вместе? Не всё же вашему шефу в столицу мотаться. Пожилой он уже человек, пора и отдохнуть.

– Ага, ты ему об этом скажи, а не мне. Он у нас козликом скачет, как завидит юбку чуть выше колен, ты же про преклонный возраст говоришь, – рассмеялась я.

– Ого! Я и не знал, что он у вас ещё орёл-мужчина. Обычно держится дряхлым аксакалом,² важничает при встречах со мной, еле руку подаёт, – наигранно удивился Бердах.

Вечером, сидя перед стареньким чёрно-белым телевизором, вспомнила слова Бердаху о командировке в Ташкент и усмехнулась его наивности. Разве мой начальник пойдёт на то, чтобы кого-то вместо себя в управление отправить? А было бы хорошо съездить в столицу и развеяться там. Особенно сейчас, когда у нас пыльные бури с песком и нестерпимое пекло, а там – прозрачные фонтаны на улицах и в скверах, тенистые аллеи и улицы с ароматными розами по обочинам. Эх, мечтать не вредно, а очень вредно. И Бердаху хорошо говорить мне про командировки, – сам летает туда-сюда по делам чуть ли не каждые две недели. Его начальство не любит мельтешить перед высокими чиновниками в головном управлении, вот и отправляют ведущего молодого специалиста, мой же всё сам да сам. И такая меня досада взяла на всех и всё, что слёзы сами покапали из глаз. Я уже не видела, что идёт по телевизору, погрузившись в мрачные размышления о несправедливой жизни. Жалея себя и плача, не сразу услышала телефонный звонок, тихонько тренькавший в прихожей на полке под зеркалом. Когда подошла, он уже замолчал, равнодушно уставившись на меня пожелтевшим от времени пластмассовым диском. Мельком глянулв

² Аксакал – почтенный старец на Востоке. Пожилой мужчина, убелённый сединами.

в зеркало и ещё больше расстроилась: опухшие красные глаза, губы как две перезрелые сливы и набухший нос – всё вместе составляло несчастное лицо старой девы-бухгалтерши с красивым именем Лана, которую вот уже четыре года не отпускают в отпуск летом, принуждая париться в закуске-кабинетике без кондиционера. Телефон зазвонил ещё раз. В трубке раздался весёлый голос Бердаха:

– Добрый вечер, Лана!

– Ага, добрый.

– А что ты такая сердитая? Кто-то обидел?

– Ага, жизнь обделила. Мимо прошла с мешком счастья, не заметив меня во втором ряду.

– Хм, я думал, что она как комета, которую за хвост нужно ловить, – продолжал веселиться на том конце провода Бердах.

– Нет, это удачу ловят за хвост, а жизнь – это Дед Мороз с подарками, у которого всегда есть любимчики. Кому даёт всё, а кому – шиш с маслом, – я продолжала жалеть себя.

– Считай, что сейчас жизнь к тебе повернулась светлым боком. Утри слёзы и приходи к моему брату в гости. Тут такая банза³ намечается с бешбармаком⁴ и ледяной водкой, только тебя и не хватает, – энтузиазма ему было не занимать.

³ Банза – вечеринка на сленге 80-90-х гг. XX века. Слово пришло из корейского языка.

⁴ Бешбармак – варёные в мясном бульоне квадратики пресного теста. Традиционное казахское и каракалпакское блюдо.

– Нет, Бердах, я не пойду, у меня голова болит, – попыталась я увильнуть от приглашения, разглядывая своё зарёванное лицо в зеркало. – И брата твоего я почти не знаю. Неудобно вот так, без приглашения.

– А Фатиму нашу ты тоже не знаешь? Она сказала, что вы в одном классе учились и твой номер телефона дала. Ладно, сейчас сам к тебе приду. Напомни мне адресок, пожалуйста.

– А ты никогда его и не знал, – фыркнула в трубку.

– Ладно, спрошу у снохи или буду звонить в двери всем твоим соседям подряд, пока тебя не найду. Дом-то я твой уже знаю.

И отключился. Я заметалась по квартире, пытаюсь умыться, переодеться и причесаться одновременно. Пришлось сесть в кресло, сосчитать до двадцати и глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться. «В конце концов, чего я так переполошилась? Фатимка – моя одноклассница, мужа её Кунграда тоже знаю. Ну, пригласили на бешбармак. Что такого?» – размышляя, почти спокойно выбрала платье, припудрила лицо и подкрасила глаза, соорудив из непослушных длинных волос что-то вроде башенки на макушке.

Бердах, как предупредительный кавалер, дал мне время на сборы и явился спустя полчаса, когда я, уже разодетая и надушенная, стояла у двери, наблюдая за лестничной площадкой в глазок. Глядя на него, вбегавшего по лестнице, невольно залюбовалась: подтянутая спортивная фигура, никаких намёков на пивной животик, красивый загар и гор-

дая посадка головы говорили о хорошей породе и правильном образе жизни нашего нового инженера. Чёрные выющиеся волосы и щегольские усыки делали его похожим на героев французских романов. «Милый друг» – пришло на ум из Мопассана. Подавив смешок и для приличия выждав пару минут, отворила дверь, всем своим видом показывая, что иду в гости не по своей воле, а только по принуждению с его стороны. Он же, заметив мои припухшие глаза, бросал украдкой удивлённые взгляды, пока я закрывала дверь.

Проходя мимо сидящих на скамейке у подъезда соседок, Бердах громко поприветствовал всех сразу:

– Салем бердик, апалар!⁵

– Салем, салем! – загалдели они, с любопытством разглядывая моего спутника.

– Бизим синлимни, сорамай, кайда алып кетип баратырсан?⁶ – пьяно хихикая, спросил сосед с первого этажа, подмигивая женщинам.

Те зашикали на него, стыдя и выговаривая за длинный язык, а сами исподтишка наблюдали, куда мы идём. Чтобы облегчить им жизнь, невозмутимо попросила:

– За квартирой приглядите, пожалуйста. Я к Фатиме в гости иду, скоро буду.

– Ой, конечно, барагой. Карап турамыс. Фатимага салем

⁵ Здравствуйте, сёстры! (каракалпакский язык).

⁶ Куда уводишь мою сестрёнку, не спросив разрешения? (каракалпакский язык).

айт, если что,⁷ – ответила за всех старшая по подъезду Ма-
дина, любившая вставлять в каракалпакскую речь русские
слова.

Отойдя на приличное расстояние, чтобы соседки не услы-
шали, Бердах передразнил: «Конечно, барагой, а мы за то-
бой проследим». Я прыснула и оглянулась. Все действитель-
но смотрели нам вслед.

У Фатимы с Кунградом я была всего несколько раз за всё
время, как переехала в микрорайон, придумывая отговор-
ки на её приглашения прийти на чай. Казалось, что я лиш-
няя в чужом доме, где росли мальчишки-близняшки, колго-
тились многочисленные родственники и во главе стола ча-
стенько важно восседала мать Бердаха и Кунграда. Но сего-
дня не было ни свекрови, ни родни, ни шумных детей, а толь-
ко мы четверо.

Бросая кусочки теста в кипящий бульон, я старалась
не смотреть на подругу, чтобы она не заметила мои заплакан-
ные глаза. Она же, не глядя на меня, раскатывала тесто и ще-
бетала, рассказывая о проделках сыновей, жалуясь на жару
и сетуя на выросшие цены на сахар. «Варенье нужно варить,
а сахар такой дорогой на базаре. И, знаешь, эти торговцы
бессовестные, мешки водой поливают, чтобы тяжелее был
сахар. Покупаешь пять кило, а потом оказывается, что пол-
кило недовесили. Представляешь?», – спрашивала она меня,

⁷ Ой, конечно, иди. Будем приглядывать. Передавай привет Фатиме (каракал-
пакский язык).

ловко нарежая тесто ровными квадратиками. Стало неловко оттого, что не могу поддержать разговор о ценах и варенье. «Откуда мне знать такие тонкости, – подумала грустно, – обычно варенье варит мама, сахар откуда-то берёт папа, я же осенью получаю свою порцию банок с наклеенными бумажными этикетками, на которых маминым размашистым почерком написано название». Фатима, не дождавшись ответа, продолжала рассуждать о ценах, только изредка поглядывая на меня, словно ждала, когда же я задам тот самый вопрос, что вертелся на кончике языка, – а зачем вообще меня пригласили? Но я упорно молчала, решив, что та сама скажет. Так и вышло.

Выцедив бешбармак на большой палаутабак,⁸ я укладывала сверху теста куски мяса, поливая все тузлуком,⁹ когда подруга, как бы извиняясь, сказала, что ужин сегодня попросил устроить Бердах, чтобы поближе со мной познакомиться. Я замерла с ложкой в руке, не веря своим ушам. В том, что это была идея Фатимы свести меня с деверем, я нисколько не сомневалась, подтверждением был и извиняющийся тон, каким она сказала про Бердаху.

– Фатимка, не умела ты врать и уже не научишься. Могла бы и прямо сказать, что спишь и видишь меня своей заме-

⁸ Палау табак – часто металлическая, большая тарелка-поднос для плова и бешбармака.

⁹ Тузлук – подливка. Солёный бульон со специями и нарезанным тонкими кольцами репчатым луком.

стительницей в штабе снох, – улыбаясь ответила я как можно непринуждённое, чтобы не огорчить мою сваху.

– Ланка, честное слово, я ничего не подстраивала. Это Бердах мне все уши прожужжал. Ужин попросил устроить, даже на базар сам с утра съездил, – оправдывалась она.

– Идём в зал, бешбармак слипнется, – буркнула я, не зная как отнестись к новости.

– Фатима, Лана, скорее, водка остывает, – весело крикнул Кунград из комнаты.

– За что пьем-то? – спросила я, с усмешкой глядя на Бердаху.

– Как за что? За бешбармак! – сказал он и, слегка пригубив, поставил рюмку на стол.

В ответ на мои удивлённо приподнятые брови, сказал:

– Я же за рулём.

Провожая до дома, Бердах предложил утром поехать на работу на его машине. Молча кивнула, боясь сказать что-нибудь лишнее, и, пожав его руку на прощание, торопливо вошла в свой подъезд. Уже поднимаясь по лестнице на второй этаж, услышала: «Я подъеду в восемь».

Осенние переживания

С того дня мы сдружились с Бердахом, но отношения дальше ужинов в доме его брата и долгих телефонных разговоров ни о чём, не продвигались. Иногда он забегал во время обеда в бухгалтерию, где мы обычно пили чай с молоком и горячими лепёшками, но за стол не садился. И только после моих уговоров отламывал кусочек хлеба и выпивал пиалушку¹⁰ чёрного чая, стоя у окна. Девчонки поначалу подшучивали и предлагали ему определиться с выбором невесты, чтобы каждая из нас не мечтала зря, а после того, как увидели, что вечером мы уезжаем вместе на его «жигули», отстали от Бердаха, зато стали наблюдать за мной, пару раз намекнув, что его семья не из простых и вряд ли согласится женить его на полукровке. Я равнодушно пожимала плечами и отвечала, что он – не мой жених, дружить же никто нам не может запретить. А то, что во мне смешались славянская и азиатская крови, так это не порок, а преимущество, значит кровь у меня свежая и гены сильные. Внутри же всё замирало от неопределённости и страха. Сказать честно, платонические отношения меня саму уже тяготили. Хотелось знать наверняка – поженимся мы или нет, однако подходящего случая спросить у Бердаха об этом не было. Он всегда

¹⁰ Пиала, пиалушка – в Каракалпакии так называют чашку для чая без ручки.

держался со мной естественно и мило, но не давал повода для двусмысленностей и чувственности.

Однажды глубокой осенью расчётный бухгалтер Сапаргуль, внимательно наблюдавшая за развитием нашего с Бердахом платонического романа, не выдержала и съязвила по поводу дружбы между мужчиной и женщиной, от которой обычно детки появляются. Затем выразительно посмотрела на меня и усмехнулась. Я почувствовала, что заливаюсь краской, и непроизвольно прижала ладони к горящим щекам. Говорить ей, что я не беременна, а просто немного поправилась осенью, – терять зря время, всё равно не поверит, а только утвердится в своей догадке и разнесёт сплетню по округе. Промолчать я тоже не могла, поэтому, стараясь не показывать виду, что она меня обидела, как можно презрительнее обронила, проходя мимо её стола: «По себе людей не судят, Сапаргуль. Если у тебя на уме только постель, то это не значит, что вокруг тоже все озабоченные». Она не сразу поняла, о чём я сказала, уставившись подслеповатыми глазами, – очки она во время обеда снимала. Когда же до неё дошёл смысл реплики, разразилась длинной, гневной тирадой о том, что я – наивная дурочка, которая и в тридцать лет не научилась разбираться в мужиках, видя в них не самцов похотливых, а только друзей. А вот когда милый друг Бердах меня обрюхатит и бросит с ребёнком, тогда, может быть, мои глаза и откроются, но будет уже очень поздно. Сапаргуль говорила и говорила, не в силах успокоиться, я же

серьёзно задумалась о том, куда меня и вправду могут завести невинные пока отношения.

Вечером по дороге домой я решила поговорить с Бердахом и спросить его в лоб о наших, действительно, странных отношениях в глазах жителей провинциального городка. Пока я подбирала слова и думала, как по деликатнее начать разговор, Бердах опередил меня с вопросом об обеденном шуме в бухгалтерии:

– Сапаргулька чего-то там про мужиков говорила. Ликбез что ли у вас был на тему, как с нашим братом нужно ухо востро держать? – он коротко хохотнул, мельком глянув на меня, и продолжил. – В чём-то она, наверное, права. Бескорыстной дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, если только они не очень одухотворённые личности, оторванные от земных страстишек. Обычно мужчина добивается благосклонности женщины, чтобы быть с ней в близких отношениях, а уже после этого ясно – дружба у них или любовь. На счёт женщин я мало знаю, но предполагаю, что у них мотивы куда серьёзнее, чем у мужчин. Им нужно создать семью, получить защитника и статус в обществе. Я не прав?

Очень хотелось коротко ответить: «Да, ты прав, и я мечтаю выйти за тебя замуж». Вместо этого я игриво выговаривала:

– Ах, ты бессовестный! Как тебе не стыдно чужие разговоры подслушивать, а потом ещё спрашивать моё мнение? Небось всё слышал, просто поиздеваться над девичьи-

ми страхами решил?

– Да не подслушивал я! Её всё управление, кажется, слышало. Я шёл с обеда и в фойе увидел несколько наших ребят, – они умирали от смеха у ваших дверей и подозвали меня, – оправдывался Бердах.

– И всё равно. Некрасиво подслушивать, а после ещё и пересказывать чужие разговоры, – не отступала я, играя роль правильной девочки.

– Все, куплю беруши и буду ими уши затыкать, когда мимо вашего отдела проходить придётся.

– Вот-вот. Мудрое решение.

Я замолчала, не зная как перевести тему разговора на нас. Легко в голове составлять предложения и представлять себе, как задашь тот или другой вопрос, и трудно озвучить, иногда, невозможно. Бердах продолжал шутливым тоном:

– Слушай, а почему Сапаргулька к тебе обращалась, пока выговаривалась? Ты что ли первая подняла вопрос отношения полов?

– Не я. Просто все уже устали в бухгалтерии гадать к чему приведут наши с тобой отношения. Наверное, и пари уже заключили, а её послали на разведку, чтобы узнать точно – собираемся мы пожениться или нет. Она меня весь перерыв провоцировала, пытаюсь выяснить спим мы с тобой или нет, – выпалила я залпом и тут же пожалела о сказанном.

«Это конец. Сейчас он довезёт меня до дома, попросится и больше никогда не позвонит и при встречах будет

очень любезно, но холодно здороваться и интересоваться делами, думая про себя, какая я ограниченная клуша, – проносилось в голове. – Ну и пусть! Зато раз и навсегда выясню, нужна я хотя бы одному мужику на этом свете по-настоящему или нет. Перестанет общаться, значит, так и жить мне одной, а нет...» – размышления прервались, споткнувшись на том, к чему, честно говоря, я готова не была, витая в облаках влюблённости все эти месяцы. Конечно, мечты девичьи тлели в душе как угольки: пышная свадьба, красивая я в белом с тюлевой занавеской на голове, увенчанной венком, ну, и всё такое. Но не более. Дальше ЗАГСа моя фантазия не шла, подпитываемая детскими сказками. В них всегда счастливый конец со свадьбой и мёдом-пивом, а вот что потом случается с главными героями – тайна за семью печатями. А если без тюля и куклы на капоте «Чайки»? Что мне делать, если сюжет развернётся не традиционно, а по-другому?

Мои мысли прервал Бердах: «Ланочка, дорогая, откуда в такой милой головке такие слова, как „спим вместе“? Не поверю, что это твои слова и что ты о таком думаешь. Не слушай вредную Сапаргульку, она же старая дева злая, у которой за сорок лет её жизни не только мужа или жениха не было, но даже обычного воздыхателя», – шутливый тон и улыбка сбили меня с толку. Он не хотел отвечать на мой вопрос. Надежда поставить все точки над «i» пропала, а с ней и весь мой боевой настрой. Я сникла.

Глядя в окно на проплывавшие за окном пятиэтажки, бе-

льё на балконах и тёмные фигуры людей, укутанные в чёрные куртки и серые драповые пальто, подумала, что скоро новогодние праздники. Папа с мамой подарят мне стиральную машинку или сервиз, прозрачно намекнув, что покупали это для приданого, но раз всё вот так складывается, то чего уж держать добро в ящиках, лучше пользоваться... Я буду реветь в своей комнате, выйду к столу без пяти минут двенадцать с красным, опухшим лицом и буркну поздравления под бой кремлёвских курантов в Москве, а потом уйду снова к себе и притворюсь, что сплю, чтобы не видеть растерянных папу и маму, невидящими глазами уставившихся в телевизор. Старательно буду не замечать то, как они постарели ещё на один год, и хоронят по кусочкам каждый год надежду выдать меня замуж по-людски. Конечно, для них было смыслом всей их жизни устроить мою жизнь, чтобы всё было как у других семей в нашем маленьком городке.

В носу защипало. Предатели-слёзы уже текли по щекам. Достав носовой платок и сделав вид, что чихаю, я смахнула их и глубоко вдохнула всей грудью, пытаюсь подавить спазмы в горле. Бердах, кажется, ничего не заметил, весело рассказывая о каком-то новом индийском фильме. Понемногу я успокоилась и прислушалась к нему, однако ощущение, что между нами всё кончено, даже не начавшись, витало в воздухе, наполняя пространство машины печалью. Пошел дождь, и под скрип дворников я попрощалась с Бердахом у своего дома, сказав именно «прощай», а не «пока», как обычно. Он

ответил «ага» и уехал, помахав рукой.

Дома устроилась на диване под пледом, слушая дождь за окном, и отдавшись на волю осенней печали. Хотелось горячего молока со свежей маминой булочкой и выплакаться, но слёз не было. Странно, впервые за много лет не было обычной истерики после расставания с ещё одним претендентом на мою руку. Похоже, это стало традицией, и я потихоньку превращалась в тёртую жизнюю старую деву, которую уже ничем невозможно было удивить, тем более сбежавшим из-под носа кавалером. «Что ж, девственница с красивым именем Лана, отдайтесь первому встречному и получите удовольствие в плотских утехах. Ваш принц на белом коне уже не прискачет и не увезёт вас в дальние края в свой замок», – произнесла вслух нарочито бодрым голосом и вылезла из-под уютного пледа, чтобы согреть молока.

Почему-то сегодня молоко было безвкусным. Выпив всю кружку залпом, хотела опять устроиться на диване, но передумала и подошла к окну. Глядя в темноту, перебирала в памяти всех знакомых мужчин, выбирая кому подарить свою девственность, однако не нашла достойного кандидата и улыбнулась. Представляя их всех без одежды, разразилась уже хохотом. Голые Рустам-одноклассник или сын друзей родителей Вовка выглядели комично. И, хотя я их никогда такими не видела, представляла себе всё живо, дивясь своей буйной, недевической фантазии. Вот, Вовка, прикрывая своё хозяйство ладошками, стоит и мёрзнет на холодном ли-

нолеуме, переминаясь с ноги на ногу. А Рустам, выставив руки вперёд, по-обезьяньи идёт ко мне, сложив губы трубочкой для поцелуя. Как я не старалась, представить голым Бердаха никак не получалось, – видела его сидящим в машине и машущим мне на прощание. «Фу ты, Господи, какая глупость!» – еле слышно прошептала, отсмеявшись.

Печаль прошла, выплеснувшись вместе со смехом, уступив место жажде деятельности. Достав корзинку с разноцветными нитками и вязальный крючок, включила телевизор и села на диван, решив связать тапочки-пяточки¹¹ для мамы. Пальцы проворно двигались, привычно разматывая клубок и вывязывая петли, а глаза бегали от вязания к телеэкрану и обратно. Зазвонил телефон, но мне не хотелось бросать начатую работу и передачу «Вокруг смеха», поэтому я решила подождать немного в надежде, что звонившие положат трубку, подумав, что меня нет дома. Телефон продолжал звонить с короткими интервалами, как бы вбирая в себя воздух, чтобы раззвонить тишину моей квартиры ещё раз.

– Алло!

– Ланочка, это я. Доброго вечера! – Бердах говорил спокойно, без обычного веселья.

– Доброго, Бердах!

– Что делаешь?

– Смотрю телевизор и вяжу.

– Значит, не сильно занята?

¹¹ Пяточки – вязанные тапочки с задниками.

– Как тебе сказать... Не очень, – протянула неохотно. Говорить с ним не хотелось, ведь я уже всё решила для себя. О чём ещё говорить?

– Знаешь, я хотел напроситься к тебе в гости.

– Прямо сейчас?

– Нельзя? Тогда, может быть, завтра?

– Тебе не лень через весь город под дождём ехать в микрорайон?

– Я и не уезжал. Сиж у Кунграда до сих пор.

– Ну, приходи, если хочешь. Только я ничего не готовила на ужин.

– Меня Фатима накормила, не волнуйся. Тебе принести что-нибудь перекусить? Она плов готовила.

При слове плов мой пустой желудок громко заурчал, подавая знаки, чтобы я вспомнила, что за весь вечер ничего не ела, кроме кружки молока.

– Было бы неплохо. Тем более Фатимкин плов всегда вкусный, но, блин, неудобно же.

– Я мигом.

Бердах пришёл быстро, держа в руке касу,¹² накрытую тарелкой. Есть по его настоянию пришлось сразу же, чтобы плов не остыл. Усевшись в кресло, он смотрел, как я, скрестив ноги, сидела на диване и уплетала ужин, переданный заботливой подругой.

– Люблю смотреть на девушек, которые едят с аппетитом,

¹² Каса – глубокая тарелка для бульона и вторых блюд.

а не жеманятся в компании мужчины, — заметил он, когда я, закончив есть и шла мимо него в кухню, чтобы помыть посуду.

— У меня осенью всегда отменный аппетит, потому иправляюсь на пару килограмм, жирок коплю на зиму как медведь, — усмехнулась, вспомнив намеки Сапаргуль на мою округлившуюся фигуру.

— А я похудел за последние месяцы — все дома заметили. Мама разволновалась и предложила съездить к врачу. А отец шутит, что это любовная лихорадка.

— И кто же та юная особа, из-за которой вы сохнете, уважаемый? — чувство юмора вернулось ко мне.

— Я не сохну. Я терпеливо жду, когда ледяная особа, стоящая сейчас напротив меня, обратит внимание на скромного своего друга и прекратит весь этот спектакль с намеками и недомолвками, — Бердах выжидательно смотрел, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди.

Я старательно тёрла сухую уже касу полотенцем, не поднимая головы. Сердце бешено стучало в груди, отправляя горячие волны по всему телу, ноги подкашивались, но я упорно вытирала чашку, чувствуя, что нужно сказать что-то и поднять голову, но не могла заставить себя ничего сделать. Бердах подошёл и забрал из моих рук полотенце с касой, затем приподнял мой подбородок и заглянул в глаза. На мгновение, я потеряла равновесие, забыв как нужно стоять вертикально, и уткнулась ему в плечо, обняв за талию. От него

пахло одеколоном, чистотой и чем-то очень родным, почти позабытым. Так пах папа в моём детстве, когда приходил с работы и обнимал свою любимую Ланку, чмокая в нос.

Мужчина, чужой для меня ещё полчаса назад, вдруг стал близким и знакомым, как будто мы вместе уже не один день. И поцелуй его не оказался неожиданностью, а был принят как долгожданная награда за месяцы ожидания и волнения. В голове проносились неясные образы: развевающаяся на сквозняке белая лёгкая занавеска, рассыпающиеся из букета алые розы, девушка в длинном платье с цветочным венком на голове, сине-зелёная гладь воды, серебристый песок под ногами. Затем всё пропало, и я, открыв глаза, увидела близко-близко лицо Бердаха. Он смотрел на меня в упор, едва улыбаясь уголками губ. Улыбнувшись в ответ, я огляделась вокруг, ожидая увидеть всё что угодно, но не мою тесную кухоньку. Всё было таким же, как несколько бесконечных минут назад, но я уже была другая – лёгкая, окрылённая нежными прикосновениями и поцелуями любимого человека. Казались смешными мои недавние сомнения и слёзы, обидные слова Сапаргульки и ирония Бердаха по поводу отношения полов, – всё казалось нелепым и глупым по сравнению с этим моментом. Я засмеялась тихонько, вновь уткнувшись в плечо Бердаха.

– Ланочка, милая, а я ведь влюбился в тебя с первого взгляда. Вру, со второго, когда увидел тебя за столом в твоей конторе, заваленным бумагами, счётами и калькулятором.

– А когда был первый взгляд? – томно спросила я, прекрасно зная ответ на свой кокетливый вопрос.

Впервые мы встретились шесть лет назад на свадьбе его брата с Фатимкой. Нас выбрали свидетелями молодожёны. Тогда мы провели вместе весь день, катаясь по нашему городку на новой чёрной «Чайке», украшенной воздушными шариками и лентами, зачем-то вставая с женихом и невестой под каждое скандирование «Горько!», танцуя нелепый «Вальс свидетелей». Вернее, танцевал Бердах за нас обоих, я же волочилась за ним, едва успевая переставлять деревянные от усталости и высоких каблуков ноги.

– Первый раз на свадьбе Кунграда я тебя хорошо не рассмотрел, боялся даже взглянуть лишний раз, – ты была надменная и неприступная как статуя в парке. Только когда танцевали, что-то человеческое уловил в твоём взгляде, какую-то печаль.

– У меня от новых туфель мозоли болели, и ноги страшно устали от каблуков, – хихикнула я, разрушив романтический момент.

– Мозоли? – рассмеялся Бердах. – Значит, ты тогда скривилась от боли, а я решил, что это девичья печаль?!

Приступ смеха сменился новым поцелуем, после которого мы в обнимку перешли в комнату и устроились в кресле, лаская друг друга. Его горячие губы нежно прикасались к моей шее, ключице, опускаясь ниже и ниже. Пуговицы кофточки расстегивались под его нетерпеливыми тонкими пальцами,

обнажая напрягшуюся грудь. Окунувшись в негу, я не соображала ничего, однако, когда Бердах расстегнул замочек юбки, непроизвольно вскочила с кресла и, отвернувшись, судорожно начала застегивать пуговицы кофты и поправлять сбившуюся юбку.

– Что с тобой? – промурлыкал он, обняв меня за талию сзади.

Я молчала, не зная что ответить.

– У тебя «красные» дни? – не отставал он, продолжая ласкать грудь сквозь кофту.

Чувствуя, что сейчас упаду в обморок от желания, захлестнувшего меня с новой силой, пробормотала:

– Я боюсь. Это первый раз.

– Ты – девственница? – в возгласе Бердаха прозвучало неподдельное удивление, смешанное со страхом.

– А ты как думал? Конечно.

Не говоря ни слова, он развернул меня к себе и внимательно заглянул в глаза. Господи, сколько нежности и любви излучали его глаза, сколько страсти и желания. Устоять перед этим взглядом было невозможно, и я сама потянулась губами к его шее. Спустя какое-то время Бердах нежно отстранил меня и уже нормальным голосом спросил:

– Можно у тебя спросить кое-что? Только, чур, не обижаться, ладно?

– Спрашивай.

– У тебя никогда не было парня, который бы хотел близ-

ких отношений?

– Были, но я не хотела терять девственность до свадьбы. А до свадьбы дело так и не дошло.

– А сейчас?

– Что сейчас?

– Ты готова подарить её мне, или будешь ждать свадьбы?

Вопрос поставил в тупик. Отдаваясь его ласкам, я не думала о девственности и свадьбе. И вдруг в мозгу щёлкнуло – он сказал о свадьбе.

– Это предложение? – я затаила дыхание, ожидая ответа.

– Да. Прости, что я не стою на одном колене и не держу в руках бархатную коробочку с золотым кольцом. Но всё это обязательно будет, обещаю тебе, милая.

Счастье подкатило откуда-то изнутри, из глубины тела и упёрлось в горло, сдавив его сладкими спазмами. Обняв Бердаха за шею и не в силах сказать что-то, глупо улыбалась, не сводя глаз с репродукции картины Крамского «Неизвестная» на стене. Впервые в жизни я внимательно разглядывала девушку, сидящую в пролётке: чёрный бархатный берет с белым пером, бархатное же пальто, или как они эту одежду в те времена называли, руки в меховой муфте и гордый взгляд. Нет, не то что гордый, он – презрительный. И вот эта Неизвестная смотрит на меня сверху вниз, и в её взгляде читается: «Ты такая же как и все женщины, не знающие себе цену. Тебя приласкали и ты готова отдать самое дорогое, что хранила все эти годы, первому встречному. Где твоё досто-

инство?». Отведя глаза от картины, я прошептала ему на ухо: «Я хочу всё это в первую брачную ночь», – сделав ударение на «всё это». Пауза затянулась, и я уже пожалела, что сказала о первой брачной ночи, ругая себя за излишний романтизм и древние взгляды на то, с чем мои подруги расстались сразу же после школы, как с надоевшей школьной коричневой униформой. Бердах ещё раз поцеловал и посмотрел на часы.

– Ланочка, милая, я пойду. Завтра поговорю с родителями и скажу тебе, когда они приедут к твоим свататься. Не волнуйся, моя красавица, всё будет, как ты мечтала.

Что я могла сказать? Он читал мои мысли и угадывал желания, хотя, наверное, у всех молоденьких девушек мысли и желания одинаковые. Но мне-то уже почти тридцать, а я всё ношусь со своей девственностью, как с писаной торбой, и мечтаю о кипельно-белом подвенечном платье с длинным газовым шлейфом.

Ночью не сомкнула глаз, ворочаясь с боку на бок и боясь поверить в то, о чём сказал на прощание Бердах. Желание быть безмерно счастливой боролось с моим извечным страхом под названием «как бы чего не случилось», в конце концов, я решила быть счастливой, но не терять бдительности при этом. Страх отпустил, уступив место фантазиям: свадьба в ресторане «Кырк кыз», чёрная «Чайка» с куклой на капоте, Центральный ЗАГС, марш Мендельсона, красные гладиолусы к «Вечному огню» и розовые розы в моих руках. Где-то в уголке подсознания маячила мысль, что свадьбу придёт-

ся отложить до весны, чтобы не месить грязь в белых туфлях-лодочках и не мерзнуть в тонком платье зимой, но я старательно её отгоняла, не желая омрачать красивые мечты.

После работы, несмотря на морозящий мелкий дождь, пошла на базар за мясом и овощами, чтобы приготовить ужин и удивить Бердаха. В то, что он приедет вечером, я нисколько не сомневалась, окрылённая вчерашними признаниями и поцелуями. По дороге решила, что запекую кусок говядины со сметаной и картошкой в духовке и приготовлю пару свежих салатов, поэтому сначала направилась в мясной ряд.

Выбирая кусок получше и внимательно следя за мясником, старавшимся подложить побольше костей в чашку весов, не заметила Фатиму, которая тоже покупала мясо. Пока мы здоровались, продавец всунул в пакет большую кость, из-за чего пришлось с ним спорить до хрипоты в два голоса. В конце концов, я настояла на своём и, получив красивый кусок говядины с мелкими косточками, победно ушла с Фатимой под ручку. Покупая овощи внутри крытого рынка и обмениваясь новостями, мы незаметно подобрались к нашим с Бердахом отношениям. Вернее, я рассказала о вчерашнем разговоре и предложении о замужестве, ожидая от неё поздравлений. Но она как-то странно глядела на меня, пока я говорила, а затем тяжело вздохнула и вместо восторженных охов и ахов отчеканила: «Вряд ли моя свекровка согласится на ваш брак. Она уже ему невесту приглядела и собирается свататься перед Новым годом. Она ни в какую не хочет сноху

европейку». Остановившись у прилавков с корейскими салатами, я ошарашенно глядела на подругу, надеясь, что она пошутила. Фатимка погладила меня по рукаву пальто и, заглянув в полные слёз глаза, добавила: «Но ты держись, Ланка. Бердах – не мямля и просто так не сдастся, может быть, ещё всё образуется у вас, и мама не будет сопротивляться. Я Кунграда тоже подключу, чтобы на неё повлиял. Не в средневековье же живём, в конце концов».

Молодые кореянки наперебой предлагали нам попробовать салаты, протягивая вилки с нанизанными солёными огурцами и нашинкованной соломкой морковкой, но меня тошнило от запахов специй и хотелось поскорее вырваться из этого галдящего мира на свежий воздух, поэтому я, торопливо бросив «Пока» подруге, скорым шагом направилась к воротам. Она попыталась остановить меня и что-то говорила вслед, однако я ничего не слышала. В голове молоточками звучали её слова: «Она не хочет сноху европейку, она не хочет сноху европейку, она не хочет сноху европейку».

Стоя в переполненном троллейбусе, не замечала толкотни вокруг и ругани пассажиров, уцепившись за поручень одной рукой, а другой держа, ставшей вдруг ненавистной, базарную сумку, я с остервенением мысленно ругала себя, обвиняя в наивности, дурости и идиотизме. «Как ты могла, – распинала я себя, – забыть, что ты не каракалпачка, а какая-то там смешанная с русскими татарка, инородка, понимаешь ли. Мало ли, что ты по-каракалпакски говоришь без акцента

и традиции знаешь, но кровь в тебе другая течёт. Значит, не ко двору ты пришлась почтенному семейству, заботящемуся о чистоте кровей. А то размечталась, как шестнадцатилетняя девочка. Сейчас, ага, придут они просить твоей руки у урусов!¹³ Разбежались. И даже их папа-коммунист с чёрт знает какого года не сможет маме-националистке поперёк слова сказать. Это он у себя в кабинете в министерстве коммунист-интернационалист, а дома обычный мужик-подкаблучник».

Увлёкшись самобичеванием, чуть не проехала свою остановку. В последний момент, очнувшись, закричала водителю на весь салон троллейбуса: «Шопир, тохта! Тусип калай-ин».¹⁴ Под смех пассажиров выскочила из двери и угодила прямо в лужу. Новые кожаные сапоги на «манке»¹⁵ погрузились в грязную воду до самых замков. И тут я расплакалась от обиды. Поводом были заляпанные сапожки, но плакала я от того, что не знала, что мне теперь делать, как жить дальше, кому верить, если человек, которого я полюбила, не может быть со мной только потому, что у нас разная национальность, если близкая подруга-каракалпачка не знает, как помочь, если пресловутые традиции и обычаи для родителей важнее счастья детей, а вдальбливаемая в наши головы коммунистическая идеология с её интернационализмом

¹³ Урус – так называют русских в странах Центральной Азии.

¹⁴ Шофер, остановись! Дай мне выйти (каракалпакско-русский язык).

¹⁵ Манка – светло-жёлтая подошва на обуви, модная в 80-х гг. XX в.

и дружбой народов в реальной жизни просто лозунг. Подойдя к подъезду, столкнулась с соседкой Мудиной. Видя, что я плачу, она остановилась, схватила меня за рукав пальто и обеспокоено спросила: «Не болды? Почему плачешь? Кто обидеть кылды? Айтсащ!». ¹⁶ Не в силах говорить, я заревела во весь голос и уткнулась в её плечо. Приобняв меня, она вернулась в подъезд и довела до квартиры, неся авоську с продуктами и успокаивая: «Коягой, айналайн. Жылама. Всё пройдёт». ¹⁷ Дома Мудина помогла мне раздеться и, усадив на диван, ушла готовить чай на кухню, приговаривая: «Все пройдёт, жаным».

Обжигаясь горячим чаем, я взхлёб рассказывала ей о Бердахе, его предложении пожениться, Фатимкиных словах, моих мечтах о красивой свадьбе и желании матери любимого женить его на каракалпачке. Соседка внимательно слушала, не перебивая и не вставляя русско-каракалпакские реплики, как она любила делать в разговоре. Дождавшись, когда я выговорюсь, она произнесла спокойно:

– Не обижайся на его маму и пойми её правильно. Она хочет сохранить большую крепкую семью, чтобы каждый в ней был счастлив и чтобы у всех было одно мнение о разных вещах. Ты – не каракалпачка, и у тебя другие взгляды на жизнь и на семью, потому что ты росла в других условиях, и тебя

¹⁶ Что случилось? Почему плачешь? Кто обидел? Говори! (каракалпакско-русский язык).

¹⁷ Перестань, милая. Не плачь. Всё пройдет (каракалпакско-русский язык).

родители воспитывали не как нас. Поэтому его мать боится, что с тобой придёт разлад в семью, а братишки Бердаха тоже захотят взять в жены не своих. И ещё, она хочет так женить сыновей, чтобы потом общаться на равных с родителями невесток, быть с ними в одном котле и варить общий бешбармак. А с твоими родителями-европейцами она никогда не будет чувствовать себя удобно.

– Почему? – тихо спросила я, не желая вникать в смысл сказанного Мадиной.

– Ой, жаным,¹⁸ разные вы, очень разные. И никогда одинаковыми не будете, даже если ты примешь ислам и откажешься от родителей.

– Я итак мусульманка по папе, он же – татарин.

– А воспитание у тебя всё равно русское от матери. Смирись, жаным. Встретишь русского или татарина и всё у тебя сложится хорошо. Мой тебе совет – забудь о Бердахе. Лучше выходить замуж за парня своей национальности, чтобы потом не было проблем. Поначалу вы не будете замечать разницу, но со временем начнутся ссоры и скандалы из-за разных мелочей.

– Я буду стараться, я же все традиции знаю, – цеплялась за последнюю надежду, понимая, что не поможет.

– Жаным, не переживай ты так, – соседка смахнула набравшую слезу краем красного японского платка. – Сколько времени, Лана? Ой бой! Мне бежать нужно, муж уже, навер-

¹⁸ Перестань, милая. Не плачь. Всё пройдет (каракалпакско-русский язык).

ное, пришёл с работы, ругаться будет, что я не дома.

Мадина ушла, оставив меня у открытой двери. Она неслышно спускалась по лестнице, перебирая ступеньки новыми блестящими калошами и кутаясь в велюровый голубой халат с чёрными узорами. Красный платок скрывал волосы, оттопыриваясь на макушке, где они были собраны в тугий пучок. Я закрыла дверь и посмотрелась в зеркало. Молодая стройная женщина с немного округлившимися боками, одетая в чёрную водолазку и серую в чёрную клетку расклешенную юбку, смотрела на меня, немного насупившись. Чёрные большие глаза, обрамлённые длинными ресницами, блестели от недавних слёз, густые брови сдвинуты на переносице, а пухлые губы со следами розовой помады упрямо сжаты. Волосы растрепались, несколько прядей выбились из причёски, закрыв маленькие уши. «Фурия, – обозвала я себя вслух, поправляя волосы, – а лучше – ведьма. Не тянешь ты на каракалпачку, хоть ты и не блондинка. Ну и ладно. Зато красивая».

Мама сняла трубку сразу же, как-будто сидела у телефона и ждала моего звонка. Я не стала рассказывать ей ничего о себе, спросив о её и папином здоровье. Она поохала, пожаловавшись на давление, которое у них обоих скачет вместе с атмосферным давлением, посетовала на магнитные бури и тут же успокоила меня тем, что они неделю пьют воду, «заряженную» самим Аланом Чумаком¹⁹ по телевизору. «Ты

¹⁹ В конце 80-х XX в. телесеансы целителя и экстрасенса Алана Чумака соби-

знаешь, помогает! Как посижу у телека, когда он выступает, а потом попою водичку и лучше себя чувствую», – подытожила она бодро. Мне стало смешно, но разубедить легковурную телеманку-маму было невозможно, поэтому я промычала что-то дежурное про шарлатанов от ТВ и пожелала ей спокойной ночи. Однако мама не собиралась прощаться и продолжала рассказывать мне о своём любимом Чумаке, ругая при этом «чёрного мага» Кашпировского, который, оказывается, насылает порчу на всех, кто смотрит его телесеансы. Потом она предложила и мне «зарядить» воду и пить её по утрам до рассвета, а лучше – тюбик зубной пасты, чтобы кариеса не было. Было слышно, как папа на том конце провода зовёт маму смотреть очередной телесеанс, но она не реагирует, поглощенная даванием бесплатных советов. В конце концов, я устала слушать весь этот бред о чумаках и кашпировских, торопливо извинилась, сказав, что у меня казан на плите, и предупредив её, чтобы не будила меня в выходные звонками. «Буду отсыпаться. Пока. Папке привет», – произнесла привычное скороговоркой и бросила трубку. Подумав немного, выдернула шнур телефона из гнезда. От души отлегло. Родители ничего не знают о моём романе с Бердахом, а то бы мама забросала меня вопросами и советами, как правильные девушки должны вести себя с парнями, у которых на уме только одно. «Значит, давления с их стороны не будет, и то хорошо», – подумала, облегчённо вздохнув.

Выдержать родительскую любовь в виде нотаций и укоризненных покачиваний головы было выше моих сил сейчас.

От родителей я убежала всего два года назад, перед тем как мы похоронили дедушку, маминого отца. В свои семьдесят лет он продолжал работать в школе учителем физкультуры и жил в новой однокомнатной квартире вдовцом, когда я перебралась к нему с чемоданом своей одежды и любимой репродукцией «Неизвестная» Крамского. Дед ничего не сказал, а только в тот же день купил диван и два кресла в комнату, перенеся свою кровать на балкон. На мои протесты, отмахнулся, давая понять, что спорить с ним бесполезно. Спать ложился он поздно, читая в постели журналы и газеты, просыпался рано, гремя чайником и тарелками на кухне, говорил мало, в отличие от моих родителей, поэтому ужились мы с ним прекрасно, не мешая друг другу ни в чём. А одним весенним утром он не проснулся. Я даже не поняла сначала, что с ним: трясла за плечи, гладила холодное застывшее лицо, целовала закрытые глаза, пытаясь согреть их. Когда до меня дошло, что дед умер, заорала диким голосом и побежала тарабанить в двери соседей, не догадавшись позвонить родителям. Так и осталась жить в квартире деда, благо, что он меня прописал до этого у себя и каким-то макаром умудрился оформить её на меня. Положив однажды новую домовую книгу передо мной, на обложке которой были аккуратно выведены моё имя и фамилия, дед произнёс: «Тебе в подарок на свадьбу, если не доживу». Как в воду глядел.

Не дожил.

Вспомнив про мясо и овощи, пошла на кухню, по-старушечьи шаркая тапочками по линолеуму. Все полетело в холодильник до лучших времён, когда у меня будет настроение готовить еду, если оно будет когда-нибудь. В то, что Бердах придёт сегодня, не верилось. Вероятно, у него сложные переговоры с родителями. Звонить же ему не хотелось, чтобы не ставить в глупое положение. Вчерашний вечер казался далёким и неправдоподобным, я даже засомневалась, – был ли он в реальности, не родило ли его моё больное девичье воображение? «И вообще, мужчины с этого дня меня больше не интересуют!» – громко произнесла я, адресуя слова кому-то за тёмным окном кухни. Говорят же о старых девах, что у них в какой-то момент на почве замужества в голове пунтик возникает, и они понемногу чокаются, превращаясь в мужененавистниц. У меня ещё не последняя стадия сумасшествия, а только пора розовых фантазий, но чем чёрт не шутит, кажется, уже во мне рождаются зёрна сомнений в необходимости выходить замуж. А там рукой подать и до ненависти к противоположному полу. «И буду я бабкой-девой старой с закостеневшей девственной плевой, на дух не переносящей мужчин и всё, что с ними связано. Сяду на скамеечке у подъезда, обопрусь на клюку и начну ругать всех мужиков-скотов на чём свет стоит, проклиная их семья», – поставила вслух диагноз себе и рассмеялась.

Завалилась в постель раньше девяти, решив отоспаться

за всю неделю. «Какое счастье, что есть на свете ноябрьские праздники», – была последняя мысль перед тем, как заснуть. Проснулась от продолжительного звонка в дверь. На часах было без пяти минут десять, за окном – светло. Не соображая со сна что к чему, пошла открывать, накинув халат на ночную рубашку, и не глянув в глазок. На площадке стоял Бердах, держа меховую норковую шапку перед собой. Сон тут же пропал. «Заходи», – буркнула я и забежала в ванную комнату, прикрыв за собой дверь. Выйдя умытая и причёсанная через минут пятнадцать, нашла раннего гостя на кухне. Закатав рукава рубашки и повязав мой фартук, он жарил яичницу. Увидев меня, заключил в кольцо, поцеловал в нос, лоб и губы, потёрся гладко выбритой щекой о мою щёку, промурлыкав: «Доброе утро, соня!». Я чуть не заурчала от удовольствия, как сытый котёнок, и собралась уже поцеловать в ответ, но он резко повернулся и с возгласом «Спалил!» схватил сковороду за чугунную ручку. Тут же отпустил, тряся обожжённой кистью в воздухе. Я выключила газ и взяла его руку в свои, чтобы посмотреть, не сильный ли ожёг. Осторожно подула, затем поцеловала, едва касаясь губами горячей ладони, и замерла, слушая, как пульсирует его кровь. От вчерашнего решения навек покончить с мужчинами не осталось и следа, и я вновь погрузилась в любовную негу.

Яичница не сгорела, получившись настоящей «Глазуньей», и была съедена мною в считанные минуты под одобрительным взглядом Бердаха. За нею же пошёл бутерброд

с маслом, запитый пиалой чёрного чая с молоком. Намазывая масло на хлеб и поглядывая на меня, мой любимый улыбался, не притрагиваясь к своему завтраку. Наевшись, я стала уговаривать перекусить и его, но он только выпил чай, сказав, что рано утром уже позавтракал.

– Какие у тебя планы на выходные? – спросил Бердах после завтрака и мытья посуды.

– Никаких. Буду отсыпаться. А что?

– Хотел предложить тебе слетать со мной в Ташкент.

– Куда? – я обалдело уставилась на него, не веря своим ушам.

– В Ташкент. Смотри, рейс сегодня в обед, обратный в воскресенье вечером. У нас в запасе два с половиной дня. Там сейчас солнечно и не так холодно, как у нас. Я утром прогноз погоды по радио слышал. Полетели?

– Бердах, но это же сумасшествие, тратить столько денег только на два дня. И потом, что я маме с папой скажу? А ты что своим скажешь?

На этом месте я вспомнила о разговоре с Фатимой и тут же настроение испортилось.

– И ещё. Мне не хотелось бы, чтобы у тебя были конфликты дома из-за меня. Зачем заставлять нервничать родителей зря, если всё равно всё будет так, как они решат?

– Ты о чём? – Бердах выглядел растерянным.

– Я всё знаю. Твоя мать нашла тебе невесту-каракалпачку и собирается свататься, чтобы ты не женился по глупости

на уруске, – я спустила свою стервозность с тормозов, не забываясь о последствиях.

– Кто тебе сказал такое? – он внимательно глядел, положив руки на мои плечи.

– Неважно. Теперь уже неважно.

– Очень важно, Ланочка. Я люблю тебя и не хочу, чтобы кто-то трепал тебе нервы и заставлял плакать.

– Я не плакала! – почти выкрикнула.

– Ты плакала. Отключила зачем-то телефон и легла спать в девять часов вечера.

– Откуда ты всё знаешь?

– Стоял под твоими окнами и наблюдал.

– Ага, снизу хорошо просматривается моя прихожая, где стоит телефон. Или ты научился летать? – съязвила я.

– Нет, летать не умею, а вот тебя чувствую на расстоянии и твоё настроение тоже. Телефон твой не отвечал и я позвонил на станцию, где мне сказали, что твой отключен.

– Разве такие справки дают? Мне говорили, что до нашей телефонной станции не дозвонишься, тем более, вечером.

– Если только не звонит начальник станции.

– Ого! У тебя такие большие начальники в друзьях? – распалялась я.

– В братьях. Кунград же начальник станции, – улыбался Бердах, наблюдая как я кипячусь.

Ответить было нечего.

– Ну, так что, мы летим в Ташкент? Сейчас уже одина-

дцать часов. Думай скорее, а то опоздаем на рейс, придётся лететь вечерним.

– А билеты? У нас же нет билетов, – хваталась я за последнюю соломинку.

– Бери паспорт и поехали. Я забронировал билеты. Машину братишка заберет со стоянки, я уже договорился.

– А где мы будем в Ташкенте жить? – спрашивала уже на ходу, бросая в сумку сменное бельё, косметичку и паспорт.

– У сестрёнки Наргиз на Чиланзаре. Помнишь, ты её на свадьбе Кунграда видела? Светленькая такая. Она у нас учится в медицинском.

Прогулки по Ташкенту

Держа верхнюю одежду в руках, мы вышли из ворот аэропорта и тут же оказались в толпе таксистов. Они взяли нас в кольцо и, почти силой забирая сумку из рук Бердаха, на узбекском и русском языках предлагали отвезти куда угодно «совсем дёшево». Зная нравы ташкентских таксистов, зарабатывающих у аэропорта, я шла прямо к автобусной остановке, увлекая за собой Бердаха. Понемногу они отстали, поняв, что мы не крутые провинциалы, приехавшие сорить деньгами в столицу, и только один юркий мужичонка всё канючил, идя за нами по пятам и уговаривая довезти нас куда надо. К нему я и обратилась, назвав адрес и спросив цену. Когда таксист назвал баснословную сумму, я уменьшила её ровно в пять раз и назвала настоящую стоимость проезда. Сначала он заныл, что цены выросли, бензин подорожал, а моя цена даже полпути не покроет, но, видя, что я опять повернула к остановке, недовольно согласился.

Уже в машине Бердах шёпотом на каракалпакском спросил у меня: «Ты откуда цены здешние так хорошо знаешь?». Пришлось также шёпотом рассказать ему, что училась в Ташкентском госуниверситете и за пять лет научилась торговаться на базаре и с таксистами. Он рассмеялся, приобняв меня за плечо, и громко сказал: «Ничего я о тебе, Ланочка, не знаю. Буду изучать».

В квартирке, которую родители снимали для Наргиз у каких-то дальних ташкентских родственников, было две смежные комнаты. Бердах разместился в большой на диване, а мы с его сестрёнкой спали в маленькой на большой кровати. Казалось, она не была удивлена нашему приезду и даже готовилась – в комнатах и на кухне было чисто, а на разложенном диване уже лежала стопка белья с полотенцами. Не задавая лишних вопросов, девушка хлопотала на кухне, заваривая чай и готовя дастархан. Мне было неловко, но Бердах вёл себя естественно, рассказывая Наргиз о моем таланте сбивать спесь с таксистов. Смеясь, он изобразил разочарованное лицо таксиста, которому не посчастливилось сегодня встретить меня.

После наших колючих ветров, дождей и пронизывающего насквозь всё живое холода, Ташкент показался раем земным. Стояла ясная, солнечная осенняя погода. Деревья в парках и скверах ещё не успели сбросить до конца жёлто-красные листья под ноги прохожим, зелёные газоны радовали уставшие от серости глаза изумрудными островками вдоль дорог и тротуаров, прохладный ветерок приятно ласкал лицо, не обжигая колючим холодом, а прозрачный воздух вселял радость и желание гулять по улицам города бесконечно. Что мы и делали с Бердахом и Наргиз. Я их водила по моему Ташкенту, который стала понемногу забывать, по пути вспоминая весёлые студенческие истории. Больше всего Бердаху понравилось в старом городе, поэтому

мы доезжали на метро к ТюЗу, а затем шли по улице Навои до цирка, нарезали круги вокруг него и оказывались в конце дня на базаре Чорсу в обжорных рядах, где ужинали ароматным шашлыком или жирным хасыпом²⁰ с тонко нарезанным нарыном.²¹

Оказывается, мой любимый совсем не знал города, – прилетая часто по делам в главное управление, жил всегда у сестрёнки и до центра по делам добирался на метро, потом точно также ехал обратно домой, забегая за покупками в Чиланзарский торговый центр. Я удивлялась, подтрунивая над его нелюбознательностью, он же отбивался от моих нападков одной фразой: «Зато ты Москву совсем не знаешь». Действительно, в Москве я была всего два раза проездом, поэтому ничего толком, кроме шумных толп на вокзалах, и не разглядела, а Бердах там учился в университете, потом ещё работал какое-то время и знал город, как он любил говорить, как свои пять пальцев.

Побродив тенью за Бердахом по ЦУМу, я вышла на улицу посмотреть книги, выложенные на развале у многочисленных продавцов. И раньше, в студенческие времена, и сейчас меня привлекали старые книги, аккуратно разложенные на кусках клеёнки в конце лотков. Продавцы – пожилые и не очень люди – всегда были интересными собеседника-

²⁰ Хасып – домашняя колбаса, которую виртуозно готовят в Ташкенте.

²¹ Нарын – лапша, смешанная с нарезанным хасыпом. Подаётся без подливы или с бульоном.

ми и обычно не отпускали без забавной истории или случая из жизни. Они были хранителями истории этого кусочка Ташкента. Переходя от одной коллекции книг к другой, наткнулась на альбом репродукций русского художника Ивана Крамского и, присев на корточки, перелистывала его глянцево-страницы, разглядывая портреты девушек и женщин. Вот и моя любимая «Неизвестная», а на обратной стороне репродукции было написано, что эта женщина была названа критиками «исчадием больших городов», воплощала в себе «образ высокомерных богачек того времени» и ещё что-то обидное для этой красавицы. Для меня же сейчас её лицо выражало не столько надменность, сколько грусть или затаённую драму. Парень с длинными волосами и в засаленном зелёном свитере, продававший альбом, тихонько произнёс: «Вы очень похожи на неё». Я вздрогнула, погружённая в свои мысли, и резко выпрямилась, излишне торопливо захлопнув книгу. «Чего вы так испугались? Вы и вправду похожи на „Неизвестную“ Крамского, спросите любого, – продолжал продавец, невозмутимо поправляя давно невычесанные волосы. – Купите альбом и покажите мужу дома, он подтвердит мои слова. Это не комплимент, а констатация факта». «Подтверждаю прямо сейчас, – раздался голос Бердаха за моей спиной. – И покупаю книгу для моей жены». Я смутилась ещё больше и, пока мужчины торговались и шутили, отошла в сторонку, чувствуя, что лицо горит от стыда. Впервые в жизни кто-то назвал меня женой, и это было так стран-

но и нереально, что я потерялась окончательно.

Мне было невероятно приятно осознавать, что я иду по любимому городу с любимым мужчиной под руку, второй рукой прижимая к себе альбом с репродукциями Крамского, и слушаю, как мой спутник рассказывает, что не мог долго понять, на кого я похожа из его знакомых, пока не увидел у меня дома на стене картину «Неизвестная». «Я тебя давным-давно видел в Третьяковке в Москве и влюбился, а потом искал все эти годы, ты же тихонько жила рядом в нашем городе посреди пустыни», – улыбаясь, сказал Бердах, и легонько сжал мою руку. Я молчала, боясь расплескать счастье, переполнявшее меня в эту минуту. «Я хочу тебя поцеловать прямо сейчас», – шепнул Бердах и, повернувшись, обнял меня вместе с альбомом, слегка коснувшись моих губ своими. Мне было мало лёгкого прикосновения и, не обращая внимания на прохожих, я отдалась настоящему страстному поцелую, закрыв глаза и уплывая из реальности.

Мы стояли посреди тротуара, обтекаемые с двух сторон торопящимися по своим делам ташкентцами, и целовались так, как-будто это в последний раз. Первым очнулся Бердах и, увлекая меня в сторону от дороги, повёл куда-то. Ощущая сладкий вкус его губ во рту и чувствуя лёгкое головокружение, я толком не соображала и не заметила, как очутилась в ювелирном магазине «Жемчуг» перед прилавком с золотыми кольцами.

– Мне хочется, чтобы ты сама выбрала кольцо, – Бердах

поцеловал меня в щеку.

– Какое кольцо? Обручальное? – я растерялась.

– Обручальное мы купим в ЗАГСе, я уже узнавал. Сейчас ты выберешь кольцо, которое будет означать, что мы помолвлены.

– Но, Бердах, так нельзя. Всё равно они будут против...

Он не дал мне договорить и закрыл рот новым поцелуем.

– Никто не будет против. Я тебе уже говорил, что всё будет так, как я решил. Ланочка, любимая, верь мне и расслабься, – он смотрел прямо в глаза и был серьёзен.

Я таяла под его взглядом и, чтобы опять не броситься на него с поцелуями, повернулась к витрине с кольцами. Выбирала долго, перемерив почти все, лежавшие на чёрном бархате под стеклом, пока не остановилась на тонком с вставленным в золотую корону жемчугом. Продавец, пожилой узбек, уложил колечко в красную коробочку и пожелал нам счастья и любви. Надевая кольцо на безымянный палец моей правой руки прямо перед входом в магазин, Бердах тихо произнёс: «Теперь ты от меня, милая, никуда не денешься, я тебя окольцевал». Не в силах больше себя сдерживать, я бросилась к нему и повисла на шее, вытирая украдкой набравшие слёзы.

Перед самым отъездом мы ещё раз прошлись по базару Чорсу и купили несколько сортов кишмиша,²² кураги²³

²² Кишмиш – сушёный виноград, изюм.

²³ Курага – сушёные абрикосы.

и курта,²⁴ пышные ташкентские праздничные лепёшки-патыр²⁵ и заказ-самсу.²⁶ С самсой пришлось повозиться, заворачивая её в целлофановые пакеты и бумагу в несколько слоёв. Сверху я обернула куль с едой своей шерстяной шалью, лежавшей все дни в Ташкенте в сумочке.

Всю дорогу в аэропорт Бердах был серьёзный и сосредоточенный, чем удивил меня, – за три дня я привыкла видеть его улыбающимся.

– Бердах, о чём ты думаешь? – спросила его в зале ожидания.

– А? Да так, ни о чём серьёзном, – не сразу ответил он на мой вопрос.

– И всё же, скажи. У тебя такой вид, как будто ты готовишься к важному разговору, – мне хотелось узнать у него, наконец, говорил ли он обо мне с родителями.

– Проницательная ты моя! – любимый поцеловал меня в макушку.

– Так ты ещё ничего матери с отцом не говорил о нас? – не отставала я.

– Они и без меня всё знают. У них глаза и уши сидят в одном отделе с тобой.

– Сапаргуль? – я не удивилась.

²⁴ Курт – высушенные шарики домашнего солёного сыра.

²⁵ Патыр – слоёные лепешки, испечённые на курдючном сале.

²⁶ Заказ-самса – так называют в Ташкенте самсу большого размера, испечённую в тандыре.

– Она – дальняя родственница, вечно возле мамы нашей вертится.

– Значит, она обо всё докладывает?

– Стучит как дятел. Но это и хорошо, мне не нужно рапортовать по вечерам, как отцу, – Бердах рассмеялся.

– А папа ваш отчитывается? – удивилась я.

– Ты, разве, нашу маму не встречала? Это же генерал в юбке. Командует всем семейством, сидя дома у телефона. Фатимка до сих пор шагу ступить не может без её разрешения.

Теперь мне было понятно, почему подруга на базаре, узнав, что мы с Бердахом думаем о свадьбе, всполошилась. Стало грустно. Я посмотрела на колечко, поблёскивавшее на безымянном пальце, вздохнула и подумала, что, возможно, его место никогда не займёт обручальное.

Неожиданная болезнь

Наш городок встретил снегом и морозом. Прилетев из бархатной осени в зимнюю стужу, почувствовали на собственной шкуре разницу между пустыней и оазисом. Путь от самолёта до выхода занял минут пять. Мы бежали по заснеженному промёрзшему асфальту, мечтая о тепле машины. У ворот аэропорта ждал братишка Бердаха Байрам, притопывая на месте от холода и кутаясь в длинный тулуп. Для брата он держал наготове ватный чапан,²⁷ в который Бердах закутал меня. И всё равно у меня зуб на зуб не попадал, а голова замёрзла, превратившись в ледяной шар. Каждый звук отдавался внутри отвратительным звоном, вызывавшим острую боль. Хотелось скорее добраться до дома и зарыться в пуховые подушки и одеяло.

В три часа утра болела не только голова, ломило всё тело, тошнило и першило в горле. Еле дойдя до плиты и поставив греться чайник с водой, ругала себя за то, что без шали побежала к машине из самолёта, не взяв даже шарф у Бердаха, чтобы завязать голову. Порывшись в аптечке, нашла аспирин и выпила две таблетки, почти не надеясь унять адскую боль в теле. Прополоскала раствором пищевой соды и соли горло, едва сдерживая рвоту, и залезла под перину, надеясь уснуть.

²⁷ Чапан – стёганный на вате зимний халат.

Сон не шёл.

То ли от аспирина, то ли от одеяла стало очень жарко, в голове уже не звенело, а набатом гудели колокола. Вдруг слышались голоса из кухни. Дед с отцом спорили о чём-то, матерясь и стуча по столу, мама шикала на них: «Ланусю разбудите, тише вы, разбушевались!». Но двое продолжали ссору, звеня уже стаканами и бутылками, мама зачем-то стучала половником в кастрюлю, напевая знакомую песенку про двух гусей. Вместе они шумели и гремели как ненормальные. «Как они зашли ко мне, я же заперлась изнутри? Бред какой-то», – подумала вяло и провалилась в темноту, оглушённая какофонией, несущейся из кухни.

Вынырнув из липкого сна, и с трудом открыв глаза, не могла понять почему всё отвратительно звенит вокруг. Голова раскалывалась. Сообразив, что звонит телефон, попыталась встать, но сил хватило только на то, чтобы приподняться и вновь упасть на мокрую от пота подушку. «Мамочка, как мне плохо», – простонала и сделала ещё одну попытку подняться с постели. На дрожащих ногах, держась за стены и мебель, поползла до прихожей и сняла трубку, сразу же оглохнув от маминого истеричного крика «Лана, что там у тебя случилось? Ты в порядке?». Собрав оставшиеся силы, прошептала: «Мама, приезжай, кажется, я заболела». Сняла цепочку с дверей и, цепляясь за всё, что попадалось на пути, добралась до постели и рухнула, снова провалившись в темноту.

И опять шум из кухни. На этот раз разговаривали мама с папой и ещё кто-то чужой, не дед. Они не орали и не гремели посудой, а говорили обо мне спокойно, даже испуганно. Мне очень хотелось узнать, куда подевался дед, голос которого я отчётливо слышала ночью, поэтому позвала маму, чтобы спросить о нём. Из горла вырывались хрипы вместо слов, но мама, видимо, почувствовав, что я проснулась, сама пришла в комнату и присела на край дивана. Её прохладная сначала ладонь на моём лбу сразу же нагрелась, став сухой и тяжёлой, и я мотнула головой, пытаюсь скинуть руку. Острая боль пронзила мой мозг, в глазах потемнело и затошнило. Все завертелись – папа с мамой, мужчина в белом халате, – издавая звуки, как заевшая магнитофонная кассета, потом пропали.

Следующий раз я очнулась ночью. В большое окно без занавесок заглядывала полная луна, освещающая комнату, заставленную кроватями и тумбочками. Рядом стояла капельница: в меня вливалась какая-то жидкость, равномерно капая и стекая по тонкому прозрачному шлангу вниз к толстой игле, прилепленной к вене лентой лейкопластыря. В голове ещё звенело, но не так сильно как раньше. Хотелось пить. Облизав сухие губы, попробовала позвать маму, и у меня получилось. Вместо мамы надо мной склонилась молоденькая медсестра.

– Пить, – прошептала я, поняв, что лежу в больничной палате.

– Вам пока нельзя. Скоро вливания закончим, и можно будет попить, я вам губы смочу водичкой, хорошо? – ласково проворковала девушка и действительно смочила губы ватным тампоном.

Жадно слизав капельки влаги шершавым языком, попросила ещё, но медсестра покачала головой, поправила одеяло и вышла из палаты. Лежать на спине было неудобно. Жёсткая с металлической сеткой кровать и жидкий ватный матрас казались мне орудием пыток средневековой инквизиции, а не постелью для больного человека. Попыталась пошевелиться, чтобы хоть как-то размять затёкшее тело. Кровать громко и противно заскрипела, мой мозг уловил каждый звук, утроив его и создав в голове страшный шум, вырубивший сознание.

Через неделю ранним утром меня перевели из реанимации в терапевтическое отделение. Я еще не ходила, но чувствовала себя лучше и знала до мельчайших подробностей, что происходило вокруг меня в эти дни, от мамы, которая ждала в палате с термосом куриного бульона. Она рассказывала мне обо всех событиях, не упуская ни одну мало мальскую деталь и давая по ходу оценки поведению врачей, медсестёр и знакомых. В то утро мама примчалась ко мне сразу же после разговора со мной по телефону, вырвав и отца с работы. Застав меня в бреду, они вызвали карету «Скорой помощи». Врач, не мешкая, повёз меня в больницу с подозрением на двустороннюю пневмонию. В приёмном покое

дежурный врач предположил инфекционный менингит, чуть не отправив этим диагнозом саму маму в реанимацию, у которой тут же подскочило давление. Другой врач, вызванный из реанимации, подтвердил воспаление лёгких и увез меня на каталке, оставив родителей у стеклянной, запертой изнутри двери дожидаться новостей. Они и дежурили там, сменяя друг друга и посасывая валидол, чтобы успокоиться. Приходили родственники, друзья и даже соседи, чтобы поддержать их и узнать обо мне, но врачи никого, кроме мамы, в палату не пускали. «Прибежала из больницы к тебе за бельём, а перед дверью парень стоит и названивает, и названивает. Поздоровался со мной и о тебе спрашивает, мол, с работы, пришёл узнать, что с тобой случилось. Я ему и рассказала всё. Так он, узнав, что ты в Ресбольнице, говорит мне: „Вы не волнуйтесь, собирайте вещи, я вас отвезу и зайду к главврачу вместе с вами“. А сам бледный-бледный, как вот эта простыня. Пока я сумку собирала, он кому-то звонил и твою фамилию называл, говорил, чтобы проследили за твоим лечением. Уже в больнице узнала, что главврач – его родной дядя, а парень этот Бердах, ваш инженер, – рассказывала мама, пытаюсь угадать мои мысли и зорко следя за выражением лица. – Он каждый день приходил и спрашивал как ты, однажды его врач даже к тебе пустил на минутку. Ты спала, а парень потоптался-потоптался, погладил тебя по волосам и ушёл. Хотела его спросить, что между вами, да потом передумала. Бердах – парень, сразу видно, хороший, воспи-

танный. И симпатичный». Я улыбалась про себя, моля Бога, чтобы мой любимый пришёл и сегодня.

Протирая руки и лицо влажным полотенцем,хватила с кольца с жемчугом, которое исчезло с пальца. Точно помнила, что оно было на руке, когда я говорила с мамой по телефону в то утро. Едва дождавшись в обед маму, влетевшую в палату с кастрюлькой и кулёчками, первым делом спросила о пропавшем кольце. Она не сразу поняла, о чём я говорю, потом, порывшись в чёрном дерматиновом кошельке, достала кольцо и протянула мне со словами: «Когда купить успела? Могла бы и похвастаться матери». Мне не хотелось пока раскрывать секрет с помолвкой в Ташкенте. Зная маму, можно было быть уверенной, что уже вечером полгорода будет говорить о свадьбе как о решённом деле. Поэтому я слушала и сказала часть правды:

– В Ташкенте была на праздники и там купила. А показать не успела. Прилетела ночью, а утром ты меня в больницу уже привезла.

– В Ташкенте? – у мамы округлились глаза. – Чего ты там потеряла?

– Так, прогуляться захотелось, – вспомнив два прекрасных дня в любимом городе, почувствовала приятное тепло, разливающееся по телу.

– Вот сумасшедшая! Не ребёнок, а сущее наказание. Не могла мне позвонить и предупредить? Мы бы встретили в аэропорту с тёплыми вещами. Как раз на праздники мороз

ударил, и снег выпал. Ты же, небось, фасонила и на голову ни шапку, ни платок не надевала, — она продолжала ворчать и возиться около тумбочки, расставляя посуду, чтобы покормить меня.

Я выпила и съела всё, что подсовывала мне заботливая мама, доставив ей огромное удовольствие. Посидев со мной ещё немного, она умчалась готовить ужин и обещала вечером прийти уже с папой. Только она вышла, тут же в палату вошёл Бердах, держа в руках коричневый бумажный пакет, из которого выглядывали краснобокие яблоки и розовые гранаты. Стесняясь поцеловать меня при женщинах с соседних коек, украдкой поглядывавших на нас, он только сжал мои руки в своих и стал расспрашивать о здоровье. Хотелось погладить его по выбритой до синевы щеке, прижаться к ней губами, но любопытные тётки, не отличавшиеся деликатностью, не догадались выйти в коридор и оставить нас наедине хотя бы на минутку. Заглянувшая медсестра попросила Бердаха выйти, пока она будет проводить процедуры, и он послушно ушёл, всё же умудрившись поцеловать меня в губы и шепнуть, что любит.

Целый месяц я провалялась на неудобной больничной койке, покорно подставляя мягкие места для уколов, помогая медсёстрам поймать мои тонкие неуловимые вены и с удовольствием поедая мамины супы и бульоны, ожидая с нетерпением обеденного перерыва, когда приходил Бердах. Следующий час был наполнен нежностью и лаской, которые

ми мы незаметно обменивались, сидя на кровати, и разговаривая на нейтральные темы о погоде, наступающих новогодних праздниках, новостях в управлении. Не знаю почему, но я ни разу не завела разговор о нашей помолвке. Наверное, слабый после тяжёлой болезни организм не желал новых встрясок и блокировал в моём мозгу эту тему. Не знаю. Может быть, я интуитивно чувствовала, что лучше сейчас помолчать, чтобы не нарываться на плохие новости. Как бы там ни было, планов мы не строили и о свадьбе не заикались оба. Иногда я замечала виноватый взгляд любимого на себе, но он тут же брал себя в руки и начинал шутить и балагурить, стараясь не глядеть в мои глаза. Сердце ёкало, чувствуя беду. И она пришла.

В один из вечеров в больницу пришли девчонки из отдела, вернее, расчётный бухгалтер Сапаргуль и кассир Гульнара, отправленные остальными коллегами в качестве делегатов. Они долго сокрушались и удивлялись, где я так сильно простыла, ругали меня за беспечность, мол, шапку носить нужно зимой и штаны тёплые, а не модничать в капроновых колготках и шелковых шарфиках, прекрасно зная, что я – мерзлячка и зимой хожу как капуста, закутанная в сто одежек. Но, видимо, им было приятно пожуричь меня, и я приняла правила игры, виновато помалкивая и делая вид, что сама не понимаю, как меня так угораздило подхватить воспаление лёгких в морозные дни. Закончив сокрушаться, девчонки завели разговор о нашем главбухе. Оказывается,

впервые за много лет ему не удаётся сбежать в санаторий, чтобы переждать холода, из-за того, что я вне планово заболела и угодила на больничную койку, а оставить вместо себя другую сотрудницу он боится. Вот и мучается между «хочу» и «не могу», вызывая девчонок к себе в кабинет по одной и пытая их на предмет надёжности и аккуратности. «Пока будет решать, кого оставить за главную, Новый год наступит, а там и ты на работу выйдешь», – подытожила Сапаргуль и перевела разговор на Бердаха.

– Приходит хоть навещать тебя милый друг-то? – с нарочитой небрежностью спросила она, внимательно наблюдая за моим лицом.

– Конечно, каждый день, – мне не хотелось врать.

– И как у него на всё время хватает?! – притворно-удивлённо воскликнула она, обращаясь к Гульнаре.

Я не понимала, к чему хитрая Сапаргулька клонит, поэтому молча ждала. И действительно, театрально выдержав паузу, она продолжила, наклонившись ко мне:

– У него сейчас столько работы – выше крыши. Большой шеф на пенсию уходит и Бердаха оставляет руководить управлением, в Ташкенте его кандидатуру уже утвердили, так что после праздников он станет нашим начальником.

Меня не смутили её слова, об этом Бердах говорил ещё в Ташкенте, так что удивить меня Сапаргульке не удалось, но я сделала большие глаза и притворилась, что впервые слышу эту новость.

– В выходные тоже нет ему покоя – возит нас с апашкой²⁸ по складам то в Ходжейли, то в Чимбай, а неделю назад в Куня-Ургенч на базар мотались покупать ткани. Я апашке говорю: «Куда торопитесь? Подождём до лета и потом свадьбу сыграете». Но её разве переубедишь? Упрямая как не знаю кто. «Хочу, – говорит – женить сына сейчас, чтобы к следующему Новому году уже внука нянчить».

Гульнара заёрзала на месте, недовольно поглядывая на товарку, однако промолчала. Я же сидела неподвижно, ожидая самого страшного, что дорогая коллега приберегла напоследок, чтобы добить меня окончательно.

– Да, совсем забыла, ты же не в курсе новостей последних. На прошлой неделе они свататься ездили в Тахтакупыр. Там апашкина сестра живёт, вот её младшую дочку и сосватали. Девушка – красавица, молоденькая, только восемнадцать исполнилось, учится в медучилище в Нукусе и живёт у апашки дома. Не знаю, что там и как получилось между ней и Бердахом, но, сама видела, – она на него чуть ли не молится, пылинки с него сдувает, да и он ласковый с ней. В общем, вот такие новости. Так что выписывайся поскорее и заказывай платье в ателье. По весне на свадьбу к новому шефу гулять пойдем.

Гульнара всё же не выдержала и добавила, осторожно погладив меня по руке:

– Лана апа, выздоравливайте и ни о чём не думайте. Се-

²⁸ Апа, апашка – обращение к старшей по возрасту женщине.

годня одна новость, завтра – другая. И потом, говорят, Бердах ага²⁹ не соглашался на свадьбу, может быть, всё это пока разговоры? – она выразительно посмотрела на улыбающуюся Сапаргульку.

– Ха, ты или я лучше знает, что у Алибековых дома происходит? Всё уже решено, и Бердах сам попросил мать поехать свататься в Тахтакупыр. Что тут может измениться? Разве можно идти против воли влюблённых? – ехидно добавила она, метнув на меня недобрый взгляд.

– Спасибо, что навестили. Всем нашим привет передавайте, – вяло попрощалась я, еле сдерживая слёзы.

Проводила визитёрш до дверей отделения и зашла в туалет, чтобы выплакаться вдали от посторонних глаз. Наревевшись, умылась и вернулась в палату, где меня ждала медсестра со шприцами и таблетками. Как только она ушла, пожилая русская женщина, поселившаяся с нами только сегодня, спросила со своей койки: «Вы Алибековых хорошо знаете?». Мне не хотелось сейчас разговаривать, тем более об этой семье, но воспитание взяло верх, и я ответила, после небольшой паузы: «Не очень. Их средний сын у нас в управлении инженером работает. Жена старшего сына – моя одноклассница».

– А вы кем, бухгалтером? – продолжала допрос соседка по палате.

– Да.

²⁹ Ага – уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

– Надо же, живём в одном городе, и не знакомы, – промолвила она задумчиво.

– Не поняла, кто с кем не знаком? – удивилась я.

– Мы с вами не знакомы до сих пор. Я – секретарь отца Бердаха вот уже тридцать лет скоро. Мы с ним начинали работать вместе в Тахтакупыре, тогда он тоже был простым инженером, потом пошёл на повышение в столицу и меня за собой увёз. Разговоров было о нас, даже в Обком анонимки писали, что Марат Алибеков любовницу прихватил с собой. Вызывали его на партсобрание, отчитывали, хотели выговор вклеить, а ко мне его беременная жена Джумагуль прибежала в слезах, просила пойти к секретарю Обкома и объяснить, что между мной и Маратом ничего нет. Ходила вместе с ней. Сейчас смешно вспомнить, а тогда за любовниц из партии погнать могли запросто. Отстояли две бабы мужика.

Я слушала женщину, затаив дыхание. Она говорила, обращаясь к кому-то невидимому в окне, словно забыв о моём существовании. Временами кашель душил её, но, откашлявшись и отдышавшись, она продолжала свою историю. Две другие соседки по палате вполголоса переговаривались между собой, не обращая на нас внимания.

– Родила она Бердаха, а через месяц заболела. Пришлось нам с Маратом дежурить у её койки и мальчонку таскать кормить в больницу по пять-шесть раз за день. Она еле живая лежит, а я держу Бердаха у её груди и упрашиваю, чтобы покормила. Кунград, тоже маленький ещё, рядом стоит, мать

за руку держит и плачет: «Апа, не умирай». Марат тогда чуть с ума не сошёл от расстройства. Его мать ещё живая была. Придёт, бывало, в больницу с малышами и давай причитать над Джумагуль на каракалпакском языке. И гнилая она у неё, и порченная, и сглазили её урусы, и ещё, Бог знает что говорила обидного. Только сын мог её утихомирить и домой увести. Говорят, она снохе житья не давала – ела поедом, никак не могла смириться, что Марат привёл в дом невестку без материнского благословения. Она ему уже сосватала кого-то из родни, а он украл Джумагуль и привёл домой прямо перед свадьбой. Мать даже проклясть его хотела поначалу, потом успокоилась, но на снохе отыгрывалась как хотела. Так вот, Джумагуль совсем слабая в больнице лежит и мне говорит, что, если она умрёт, я должна стать матерью Кунграда и Бердаха, потому как только мне она и доверяет их. Не знаю, что она Марату говорила, но, кажется, тоже самое, что и мне. Я накричала на неё в сердцах. Говорю: «Чего выдумала? Выздоровеешь и будешь со своими мужиками сама возиться, не хватало мне ещё чужих детей воспитывать!» – а сама реву белугой и обнимаю её. Дети тоже ревут. В общем, не дали мы ей умереть. Потом ещё детей Марату нарожала кучу, но нет-нет да пошутит, что я – её заместитель на всю жизнь. Потому меня их дети русской мамой и называют.

Женщина прервала свой рассказ и попросила налить чаю. Подавая пиалу, я не знала, как обращаться к ней. Мы не успели познакомиться.

– Извините, меня зовут Лана, – решила представиться для начала.

– Зови меня тётя Валя, меня и Бердах так зовёт на людях, – отозвалась соседка. – Он мне про тебя рассказывал, Ланочка. Красивое у тебя имя, милая. Лана, прямо как лань. Нежное имя. Кто назвал?

– Папа. Где-то вычитал и назвал. Кажется, в нашем городе я единственная с таким странным именем.

– Любит тебя наш мальчик, сильно любит. С ума сходит. Не знаю, что с Джумагулькой случилось, чего ты ей не нравишься... – тётя Валя не закончила фразу.

В дверь громко постучали. А затем сразу же вошли родители Бердах с пакетами и сумками, заполнив пространство палаты так, что я почувствовала себя маленькой букашкой, которой хотелось залезть в щёлку и не выглядывать, пока они не уйдут. Посетители шумно поздоровались и принялись расспрашивать тётю Валю о здоровье. Делая вид, что читаю книгу, я прислушивалась к тому, о чём они говорят, но ничего интересного для себя не узнала, – обычные разговоры пожилых людей. Понемногу увлеклась чтением, поэтому, когда ко мне обратилась тётя Валя, не сразу услышала её просьбу.

– Ланочка, доченька, возьми кастрюльку с бешбармаком и всем разложи в тарелки, пожалуйста. Нужно кушать пока горячее.

Мать Бердах внимательно посмотрела на меня и, кажет-

ся, узнала.

– Кушайте, индюка специально для дорогой моей подруги зарезала сегодня, чтобы сварить бешбармак как она любит, – хвастливо обратилась она к женщинам в палате. И, повернувшись к подруге, продолжила:

– Испугала ты нас, Валентина Ивановна. Марат позвонил в обед и говорит: «Валя заболела, езжай к ней». Я – к тебе домой, соседи говорят – пошла в поликлинику, а там – «Скорая помощь» увезла. Водителя загоняла, пока гонялась за тобой, Фатимка бешбармак сготовила, тут и Марат домой приехали с Бердахом. Уф, жарко у вас тут, – с этими словами свекровь Фатимы расстегнула дорогое чёрное пальто с белым песцовым воротником и сдвинула на спину вязаный пуховый платок. Под тёплым платком был ещё один – зелёный, японский, прошитый золотистыми нитками, а под ним седые с остатками хны волосы.

– Чего вы всполошились-то? Эка беда – простуда! – вроде как недовольно выговаривала тётя Валя, польщённая вниманием друзей.

– Я с врачом твоим поговорил, – начальственным тоном начал отец Бердаха, – он говорит, что подозрение на воспаление лёгких, так что ты лежи и лечись, без самостоятельности тут у меня. Я тебя знаю, через пару дней заявишь, что всё хорошо и на работу придёшь. Даже не думай, тебе отдохнуть нужно хорошенько, – закончил он уже мягко.

Тем временем, мать моего любимого, воспользовавшись

моментом, повернулась и спросила негромко:

– Ты та Лана, что у Фатимы свидетельницей на свадьбе была?

– Да.

– Что случилось? Почему в больнице? – кажется, она прекрасно всё знала, притворяясь несведущей.

– Воспаление лёгких.

– Поменьше раздетой бегать по морозу нужно было за чужими женихами, – с сарказмом произнесла она и отвернулась.

Я сидела как оплётанная, безжалостно униженная матерью человека, которого любила больше жизни. Хотелось выскочить из палаты, загромождённой этими самодовольными, уверенными в своей правоте людьми, но сил, чтобы встать и пройти несчастные три метра от моей койки до двери не было.

Скоро шумные посетители ушли, оставив после себя следы зимней слякоти на коричневом линолеуме и сдвинутые стулья посреди палаты. Ароматы сырокопчёной колбасы и сыра, плывущие от тумбочки соседки, щекотали ноздри. Почувствовав, что рот наполняется голодной слюной, вспомнила, что ещё не ужинала сегодня. Скованность, охватившая при матери Бердаха, понемногу отпустила, и я принялась есть тёплый бешбармак с индюшатиной. Ела и думала, почему она меня так не любит, но ответа не находила и злилась на неё и на себя, отчего аппетит удвоился, и за бульоном по-

шёл кусок рулета с мясом, принесённый мамой в обед. Говорят, женщины заедают стресс и плохое настроение. Наверное, я из их числа – огорчения и слёзы хочется запить молоком, заесть булочкой или шоколадкой, после чего проблемы отступают на какой-то момент, не скребясь в душе чёрными кошками.

Тётя Валя, утомлённая разговорами и ужином, укладывалась спать, кашляя и кряхтя по-стариковски. Она не возвращалась к беседе, прерванной её визитёрами, словно, забыв о ней напрочь. Только перед сном сказала, будто вслух подумала: «Надо бы с ней поговорить завтра о детях». Я поняла, что эти слова предназначались для меня. Ниточки надежды протянулись от её изголовья к моему.

Наутро, во время обхода я попросила заведующего отделением выписать меня домой под наблюдение участкового врача, ссылаясь на то, что чувствую себя отлично, а уколы и мама может сделать. Он внимательно прослушал меня, постучал по спине и груди, полистал карту и кивнул со словами: «После обеда можете идти домой». Представив себе, что в обед снова придёт мать Бердаха и парализует меня одним взглядом или снова попытается унижить, взмолилась, чтобы отпустили раньше. «Можно и сейчас, только тогда за выпиской придётся кому-то приехать попозже, – она будет готова после обеда», – безразлично разрешил врач и пересел на край кровати тёти Вали. Еле дождавшись окончания обхода, побежала звонить с поста дежурной медсестры маме,

чтобы привезла одежду и обувь.

Складывая посуду, банки и ещё какие-то мелочи в авоську, не заметила, как в палату вошёл Бердах.

– Привет! Уже собралась? Я сейчас, только с тётёй Валеёй немного поболтаю, и поедем, – произнёс он так, будто мы обо всём заранее договорились.

Хотя я и удивилась его приходу, но виду не подала и, поздоровавшись, продолжала укладывать вещи. Китайский заварочный чайник никак не умещался в сумке, руки мелко дрожали и пальцы не слушались. Появилась и мама с одеждой и шуршащим ярким пакетом, из которого выглядывали коробка шоколадных конфет и бутылка коньяку. Я ушла переодеваться в процедурную, мама унеслась благодарить врачей в ординаторскую. Когда мы вернулись, Бердах уже ждал в коридоре с моей авоськой и мамиными сумками. Мне оставалось только попрощаться с соседками по палате и спуститься в больничный двор.

После вечности внутри душного помещения свежий, морозный воздух накрыл с головой, опьянил, приятно пощипывая щёки и лоб. Постояла минутку на крыльце, вдыхая носом запахи улицы, и осторожно пошла к стоянке, счастливая от ощущения свободы. Они стояли у машины, весело о чём-то переговариваясь. Похоже, два родных мне человека сдружились за месяц, пока я валялась на больничной койке, чего не скажешь обо мне и матери Бердаха, из-за которой я убежала, как трусливый заяц, из больницы. Мама, важно усевшись

на переднее сидение «жигули», скомандовала: «Поехали!». Притормозив у ворот, Бердах всунул сторожу рубль, и мы покатили в сторону старого города, где жили мои родители. Мне совсем не хотелось торчать у них, но, с другой стороны, оставаться одной сейчас тоже весёлого мало. Несмотря на бравый вид, на самом деле чувствовала я себя паршиво. И причиной была не моя болезнь, а новости, принесённые сорокой Сапаргулькой, и высокомерное отношение Джумагуль. Как только я подумала об этом, сладкое ощущение свободы пропало, уступив место хандре.

Город казался совсем незнакомым. Хотя ничего не изменилось вокруг, – всё было чужим и скучным. Улица с частными одноэтажными домами по обеим сторонам, заканчивавшаяся пивзаводом, мост через канал, комбинат – выглядели грязными и серыми. Люди, проплывавшие за окном машины, двигались неторопливо, кутая замерзшие лица в воротники, и поворачиваясь спиной к ветру, почти идя задом наперёд. Меня охватило чувство безысходности. Чтобы не видеть ничего, закрыла глаза. Показалось, что это я осталась позади машины на мосту, закутанная в шубу и пытающаяся идти против ветра, но у меня не получается и, вместо того, чтобы идти вперёд, я пячусь назад. Запутавшись, в конце концов, куда мне на самом деле нужно идти, останавливаюсь и озираюсь по сторонам, ища поддержку у прохожих, безразличнодвигающихся мимо, как тени. Машу рукой вслед машине, уносящей с собой мои мечты и любовь,

однако мама с Бердахом не слышат меня, увлечённо беседуя, затем машина поворачивает налево и скрывается из вида. Мост шатается под ногами, я кричу, пытаюсь схватиться за железные перила, руки не слушаются и соскальзывают, и мне становится по-настоящему страшно. Чувствую, как по спине текут струйки пота, и кровь приливает к голове. В этот момент кто-то хватает за плечо и трясёт, показывая на чёрную воду внизу. Понимаю, что нужно прыгать и плыть прочь от разваливающегося на глазах моста, но не могу, запутавшись в полах шубы.

«Лана, доченька, просыпайся! Мы уже дома», – мама легонько трясла меня за плечо. Я открыла глаза и огляделась вокруг, не совсем понимая, где сон и явь. По спине действительно стекали струйки холодного пота, и голова под шапкой вспотела до неприятного зуда. «Фу, такой страшный кошмар приснился, аж холодный пот прошиб», – произнесла, заходя в дом родителей. Бердах тут же уехал на работу, пообещав приехать вечером.

Мама с отцом жили сразу за пекарней, в доме, построенном папиным отцом ещё в шестидесятых. Дед-татарин положил на этот добротный кирпичный дом полжизни, отстраивая его комната за комнатой, а пожить в нём и не пожил толком. Как только закончил строить баню и попарился в ней первый раз, слёг и больше не вставал. Через полгода его похоронили, за ним скоро ушла и его жена. Счастья старикам дом не принёс, зато сыну их не нужно было горбатиться

и надрываться, а внучке жилось привольно в больших комнатах до поры до времени. Я знала здесь каждый уголок, каждую трещинку в стене, оставаясь часто одна после школы и разговаривая с домом. Для меня он был добрый друг, который мог и утешить, и развеселить, и погрузить со мной вместе. Потом я уехала учиться в Ташкент, вернулась и устроилась на работу в новый город, зарылась в бухгалтерские отчёты и забыла о своей связи с домом, относясь к нему как к месту, где я сплю, ем, сижу в кресле и смотрю телевизор. Дом перестал быть другом. И родители уже не были теми ласковыми папой с мамой, готовыми исполнить любое желание Ланочки. Они всё чаще говорили о том, что мне пора выходить замуж, с печалью в голосах рассказывали о свадьбах моих одноклассников, приглашали в гости дальних родственников с сыновьями в воскресные дни, пытались даже водить меня вечерами в кино, чтобы я познакомилась с парнем. Навивные мои старики. Старогородские мужланы не интересовали меня, отпугивая нелепыми причёсками и дурными манерами. Я же мечтала о принце, именно о таком, который приедет за мной на чёрной «Волге» и увезёт жить в мой любимый Ташкент. Ни больше ни меньше. Однако ташкентские рыцари были редкостью в нашем пыльном районе, особенно на узкой улице позади пекарни, и я понемногу превращалась в старую деву, ссорясь с мамой по каждому пустяку. В конце концов, собрала вещи и ушла к русскому деду-учителю физкультуры в его крохотную однокомнатную квартирку в мик-

рорайон.

Всё было готово к моему приезду. Устраиваясь в бывшей моей комнате, где папа настоял оставить всё так, как было при мне, почувствовала лёгкий укол совести. Два года я ни разу не помогла маме ни с генеральными уборками, ни с косметическим ремонтом, уйдя в свою жизнь как в раковину. Сидя на постели, прислушалась к дому, но он молчал, став чужим. «Всё к лучшему», – подумала, чтобы не маяться угрызениями совести, открыла книгу и потерялась в мире любимых героев Мопассана.

Вечером Бердах позвонил и извинился, что приехать не сможет, – много дел дома накопилось. Я понимала какие это дела и только вздохнула, крутя на пальце колечко. Затем решила и сказала тихо:

– Бердах, нам нужно серьёзно поговорить. Скажи, когда ты сможешь приехать? Лучше, когда мама на работе, но не в обед. Я так больше не могу, у меня сердце не на месте.

– Что случилось, милая? Ты плохо себя чувствуешь? Может быть, ты рано выписалась?

– Да нет. Это не о здоровье, это о нас с тобой.

– Мы же всё решили в Ташкенте. Ты не должна беспокоиться ни о чём, всё идёт своим чередом.

– Нет, ничего не идёт так, как я хочу. Всё катится к чертям собачьим, и ты скрываешь от меня, что весной твоя свадьба, и что твоя мама ненавидит меня, и что твоя невеста живёт в вашем доме. Зачем ты обманываешь меня?

– Я сейчас не могу говорить, – перебил меня Бердах. –
Давай так договоримся: я приеду завтра после обеда и всё
объясню. Хорошо? Я всё тебе объясню. Целую.

Декабрь

Разговора не получилось ни наавтра, ни через неделю. Бердах был всё время занят на работе или дома. Пару раз забегал проведать меня на минутку, когда и мама с папой приходили на обед, и исчезал. Иногда звонил, однако говорил о пустяках, а когда я спрашивала о чём-то, касающемся лично нас, менял тему или, сославшись на срочные дела, прощался и торопливо бросал трубку. Природная робость и выпестованная в одиночестве гордость не позволяли мне позвонить ему первой и поговорить начистоту, крича в унисон, что я вульгарно навязываюсь Бердаху в жёны. И я деликатно молчала, мучаясь от неизвестности и не понимая, что происходит вокруг. Временами уныние накрывало тёплым тяжёлым одеялом, и тогда казалось, что всю историю с Бердахом я придумала сама, чтобы хотя бы в своих фантазиях быть любимой и нужной. «Ну и пусть, ну и ладно», – шептала перед сном, стараясь не плакать, и всё равно ревела белой пеной, зарывшись в подушки.

После сдачи повторных анализов и визита в поликлинику, насквозь пропахшую хлоркой и микстурами, мне закрыли больничный лист. Идти на работу не хотелось. Сочувственные взгляды и перешёптывания за спиной – не то, о чём я мечтала, выбирая кольцо в Ташкенте и мечтая о скорой свадьбе с любимым. Но работа есть работа и, собрав остатки во-

ли в кулачок, я поехала в управление, захватив с собой термос с горячим настоем ромашки и мамин оренбургский пуховый платок.

Пустой поначалу автобус, скоро заполнился пассажирами, и мы тронулись. Устроившись на скамейке у окошка и поставив сумку на колени, попыталась представить удивлённое лицо Бердаха, который забежит по делам в бухгалтерию и наткнётся на меня. Его чёрные густые брови взметнутся вверх, глаза округлятся, и он с улыбкой скажет: «Ланочка, ты уже здесь?» – протянув руку для приветствия. А я буду серьёзно глядеть на него снизу вверх и даже бровью не поведу. Я улыбнулась своим мечтам, подумав, что так и осталась глупой девчонкой в душе, играющей роль взрослой женщины. В этот момент автобус проезжал тот самый мост, отделяющий старый город от нового, на котором неделю назад я видела себя в ужасном сне, падающей в чёрные воды канала. Страх подкатил к горлу, на секунду показалось, что сваи моста прогнулись под грузом набитого автобуса, но мы уже сворачивали направо перед кинотеатром «Амударья», и я успокоилась. «Нервы шалют, надо у мамы вечером спросить трав успокаивающих и пить на ночь, а то всякая ерунда мерещится и снится», – поставила себе диагноз и назначила лечение, снова улыбнувшись своим мыслям о Бердахе.

Утро в бухгалтерии началось как обычно: приветствия, сводки сарафанного радио последних новостей со всего управления, жалобы на здоровье и мужиков-гадов, перемены

вание косточек шефу. Правда, девчонки сегодня отвлеклись и на меня, забросав вопросами о самочувствии, но скоро забыли о моей болезни и принялись за бесконечные столбики и строчки цифр, накладные и ведомости, щелкая временами счётами и бегая к моему столу за консультациями. Всё как всегда. В первый час работа у меня шла тяжело: за время болезни я расслабилась и мой мозг не хотел вникать в скучные документы, однако, незаметно для себя, я втянулась в работу, и папки с документацией медленно, но уверенно сменяли одна другую на моём столе. Конечно же, нашла кучу ошибок и упущений, писала короткие заметки на листочках и передавала на столы невнимательным сотрудницам. Те фыркали, делали недовольные лица, но, зная мою дотошность, принимались исправлять и переделывать документы. Наш шеф-ветеран, неторопливо войдя в комнату в одиннадцатом часу и увидев меня за столом, расплылся в широкой улыбке, осветив пространство вокруг себя золотом вставных коронок. «Лана пришла! – воскликнул он, словно дитя. – Можно идти в отпуск, а то у меня путёвка горит в санаторий». Вокруг многозначительно переглядывались коллеги, закатывая глаза и морща носы, только я сохраняла невозмутимый вид и вдруг, неожиданно для самой себя, выпалила: «У меня трудовой отпуск за два года горит. Сейчас не возьму, значит, пропал, а это – нарушение трудового законодательства. Да и после тяжёлой болезни мне нельзя находиться на холоде долго, поэтому врачи посоветовали отлежаться до весны до-

ма. Уж вы меня извините, но сейчас мой черёд отдыхать». Главный бухгалтер уставился на меня, как будто видел в первый раз, потом пожевал губами и, бросив, «Зайди ко мне», вышел вон. В полной тишине было слышно как тикают часы на стене и шумит горячая вода в радиаторах. Присев за свой стол, размашисто написала заявление об отпуске и молча пошла с ним к шефу. Он долго не замечал меня в своём кабинете, роясь в папках и кипах ведомостей, затем открыл сейф, достал печати, разложил их перед собой и только после этого сообразоволил заговорить.

– Вот, значит, какая ты, Лана Мирхайдарова. То тихонько сидела и работала, а теперь, почувствовав поддержку, нос кверху и начальство побоку. Помнишь, что старики говорят? Чем выше взлетишь, тем больше падать.

– О чём вы? Мне действительно нужно долечиться и отлежаться в тепле, да и отпуск нужно отгулять, – мне не хотелось вникать в его намёки.

– Так-так. На моё место метишь? Думал я порекомендовать тебя на эту должность, когда на пенсию выйду, но вижу, не готова ты ещё, не созрела быть руководителем. Личные интересы ставишь выше интересов государства и партии. Болезнь у неё! А у меня фронтовые раны ноют, и то ничего, работаю, чтобы оправдать оказанное высокое доверие...

Шеф выговаривался минут пятнадцать, не обращая внимания на стук в дверь сотрудников управления и мой отсутствующий взгляд. Об «оказанном доверии и интересах пар-

тии и народа» я слышала от него и раньше частенько, поэтому не реагировала на слова, думая о том, чью это, интересно, я поддержку сверху заимела, с которой начал свою тираду главбух. Устав выступать, шеф вытер испарину на лысине и уставился на меня, ожидая оправданий и извинений. Я молчала, все так же безразлично глядя на него и держа на коленях заявление. Не дождавшись, когда я заговорю, он просто произнёс: «Не подпишу. Можешь жаловаться, куда хочешь. Пока руководство ещё старое, мы с вами, нахальными молокососами, повоюем». Я удивлённо приподняла брови и спросила: «С кем повоюете? Я ни с кем конфликтовать не собиралась. У меня горит отпуск в конце года, и это – всё. Не подпишите, я пойду к начальнику отдела кадров, а потом к управляющему, потому что вы не имеете права лишать меня отдыха, кстати, тоже предусмотренного нашей партией и руководством государства. Сейчас не чрезвычайное положение, чтобы работать без выходных и отдыха», – с последними словами я положила заявление на стол перед шефом и вышла. Что самое интересное, не чувствовала ни злости, ни обиды на старика, боявшегося потерять должность и оказаться ненужным никому, кроме своей жены. В моём, вслух высказанном при всём отделе желании взять отпуск в то же самое время, когда, обычно он едет лечиться в санаторий, шеф усмотрел бунт и неподчинение или даже поползновение на его должность с моей стороны. Бедный, если бы он знал, что должность главного бухгалтера мне даром была не нуж-

на, особенно сейчас, когда решалась моя судьба. Поэтому, немного постояв в фойе, я вернулась в кабинет без стука и, подойдя к его креслу, тихо сказала: «Отпустите меня, ради Бога. Не могу я сейчас работать, честное слово. Плохо мне, очень плохо. Если бы вы знали, как всё в жизни завязалось, не обижались бы зря. Пожалуйста!». «Я подумаю», – проворчал он, деловито перебирая бумаги на столе и не глядя на меня. «Спасибо», – мягко произнесла я и пошла дорабатывать последний день перед отпуском, зная отходчивость старика и его доброту.

Ближе к обеду все печати были проставлены, подписи собраны и я, получив отпускные, не знала чем себя занять. Но самое главное, не представляла, чем буду заниматься столько времени до и после праздников. И Бердах не зашёл ни разу. Уходить же, не увидев хоть одним глазком любимого, заставить себя не смогла. «Лана, иди уже домой. Мы тебе разрешаем, – шутили девчонки, накрывая стол к обеду. – Не забудь в гости позвать к Новому году, а то мы же соскучились. Только пришла и опять уходишь». Сапаргулька ласковым голосом пропела: «И держи с нами связь, чтобы не проспать свадьбу Бердаха Алибекова. Эх, гульнём, девчонки!». Последние слова моя персональная змея подколотная произнесла с деланным энтузиазмом, пританцовывая на месте и тряся кистями рук, словно уже отплясывает хорезмскую лязги. Никто её не поддержал. Все делали вид, что поглощены завариваем чаем и распаковыванием еды, принесённой

из дома. «Бог даст, погуляем», – ответила я спокойно, удивляясь хладнокровию, откуда-то взявшемуся у меня сегодня, и вышла из комнаты, накинув мамину шаль на плечи.

Бердах сидел за своим столом и проверял бумаги, когда я вошла, не постучавшись, в его отдел.

– Здравствуйте, мужчины! – поздоровалась с двумя инженерами за руку. – Доброго дня, Бердах Алибекович! Как дела?

– Ланочка! Как ты хорошо выглядишь! Не поверю, что ты болела, как будто с курорта вернулась, – рассыпался он в любезностях, словно на самом деле не видел меня больше месяца. Глаза лучились неподдельной радостью.

– Никому такого курорта не пожелаю, – грустно ответила я. – Ладно, мужчины, я на минутку забежала поздороваться и попрощаться. Ухожу в законный отпуск, еле у старика нашего вымолила утром право на отдых, так что увидимся на ёлке, если я в городе буду. Пока всем, – и пулей выскочила из отдела, боясь взглянуть на Бердаха.

Для чего мне понадобился зимний отпуск, я и сама не знала. Просто сердцем понимала, что лучше мне сейчас побыть вдалеке от работы и ядовитой Сапаргульки, одной, не путаясь под ногами у занятого карьерой Бердаха. Только ли карьерой? Ой ли? Об этом старалась не думать, трусливо отгоняя от себя мысли о свадьбе и будущем, желая только, чтобы всё поскорее закончилось, и я могла вернуться к прежней жизни без жениха, обручения и любви.

Бердах окликнул уже в коридоре: «Я еду на обед в микрорайон к брату. Лана, тебя подбросить до дома?». Отрицательно мотнув головой, громко ответила: «Спасибо, нам не по пути. Я сейчас у родителей живу в старом городе», – и пошла, спиной чувствуя растерянный взгляд любимого. Затем вернулась, на ходу снимая колечко с пальца, взяла его правую руку в свою и вложила знак несбывшихся надежд в полураскрытую ладонь, прошептав: «Я не обижаюсь. Всё нормально». В этот момент из отдела выходили остальные инженеры и я, смутившись, отдернула руку, быстро зашагав прочь, проклиная глупую любовь, проснувшуюся в неурочное время и не к тому, с кем можно было бы мечтать о будущем.

Зная, что в обеденный перерыв при девчонках Бердах не затеет разговора со мной, осталась пить чай, выжидая, когда он уедет, чтобы незаметно уйти домой. Выдержать объяснений я бы просто не смогла, разревелась бы у него на плече, потому что хладнокровия хватило только на шефа и на то, чтобы вернуть колечко. Сейчас же меня просто-напросто трясло как в лихорадке. Под каким-то предлогом вышла проверить, стоит ли ещё машина Бердаха перед контрой, но «жигули» на месте не было. Меня охватили противоречивые чувства. С одной стороны, я обрадовалась возможности беспрепятственно убежать домой без вопросов и сцен, чтобы спрятаться от мира и любимого за спинами родителей и стенами родного дома, а с другой – огорчилась, увидев, что

он не сделал ни единой попытки поговорить со мной, извиниться и объяснить, что не может идти против воли властной матери. Я бы сделала безразличный вид и пожелала счастья. Хотя, смогла бы сыграть такую трудную роль, обожая и желая каждую частичку мужчины, ставшим за полгода родным и близким? Может быть, он правильно сделал, что уехал, дав мне шанс не унижаться и не плакать перед посторонними? Обида раздирала меня, пока я надевала шубу и шапку, прощалась с девчонками и медленно шла к остановке. Вспомнила лето, когда впервые села в машину к Бердаху, обратив внимание на его красивые и ухоженные руки на руле, бешбармак у Фатимки дома, ташкентские прогулки по старому городу. Постепенно успокоилась и решила смириться с судьбой. А что ещё сделаешь? Не топиться же в канале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.